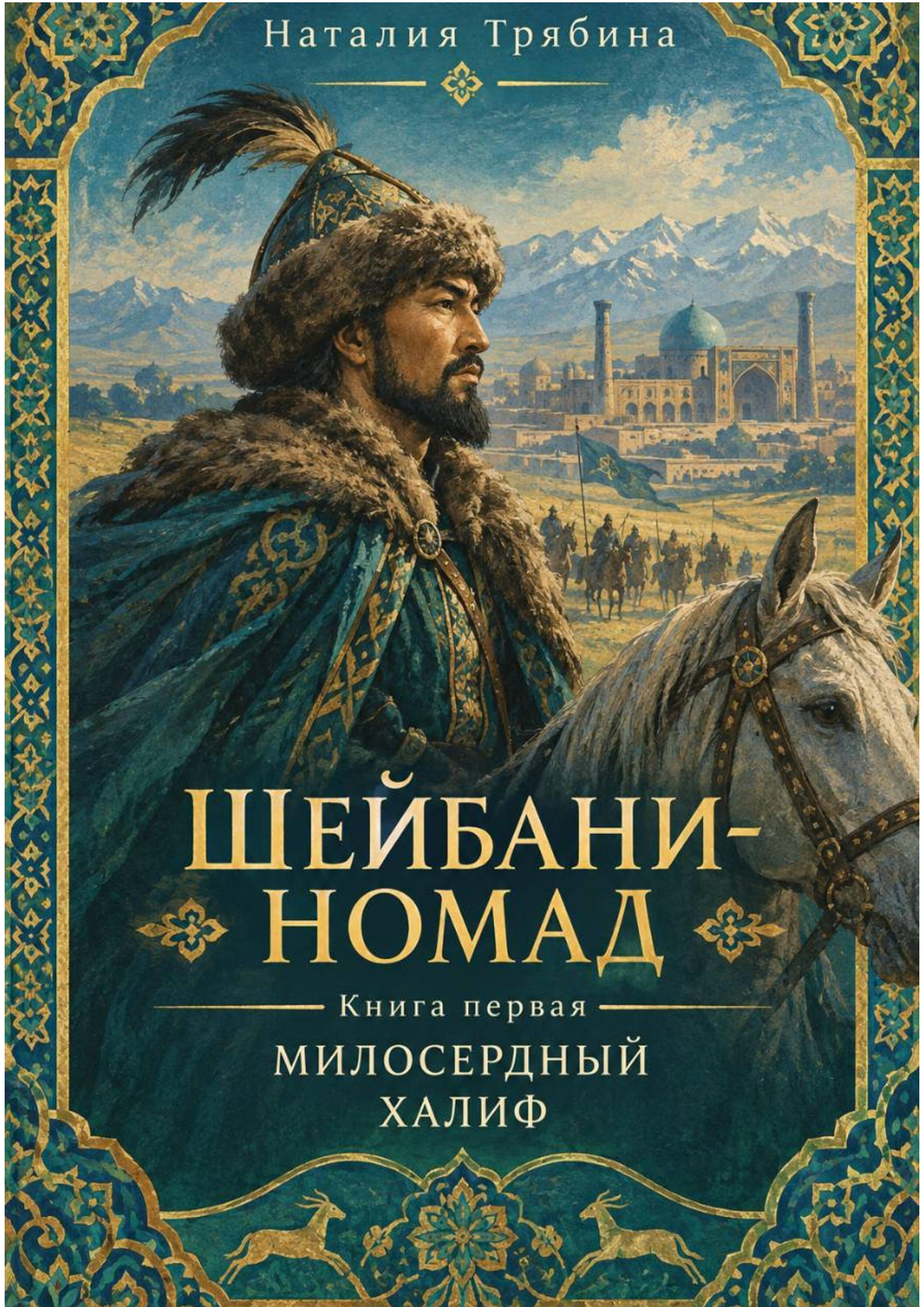

Наталия Трябина

The book cover features a detailed illustration of a man in traditional Central Asian attire, including a fur-trimmed blue robe and a turban with a feather. He is mounted on a white horse and gazes towards a city with a large blue-domed mosque and minarets, set against a backdrop of snow-capped mountains. The entire scene is framed by ornate, golden Islamic geometric patterns. The title 'ШЕЙБАНИ-НОМАД' is prominently displayed in large, golden, serif capital letters across the middle of the cover.

ШЕЙБАНИ- НОМАД

— Книга первая —
МИЛОСЕРДНЫЙ
ХАЛИФ

Наталия Трябина

**Шейбани-номад.
Милосердный халиф**

«Автор»

2026

Трябина Н. Н.

Шейбани-номад. Милосердный халиф / Н. Н. Трябина —
«Автор», 2026

«Шейбани-номад. Милосердный халиф» — исторический роман Наталии Трябиной о становлении Мухаммеда Шейбани-хана, одного из самых ярких правителей Центральной Азии рубежа XV–XVI веков. В прологе шах Исмаил Сефеви уже держит череп своего врага. Но история начинается раньше — в степях Дешт-и-Кыпчака, где рождается мальчик Шахи-Бехт, внук грозного Абулхайр-хана. Он растёт в мире, где власть берётся саблей, а союзы и кровная месть меняются быстрее ветра. От детских байг и изгнания — через учёбу в Бухаре, унижения у тимуридов и собирание верных нукеров — герой идёт к своей клятве: «Я вернусь. Не как гость. Как хозяин». Рядом — верные соратники, казахские султаны, ойратские орды и ногайские мирзы. Степь здесь живая: пахнет кумысом и кровью, хранит Ясу Чингисхана. Роман опирается на летописи эпохи и показывает, как из гонимого изгнанника рождается хан, способный бросить вызов целым династиям.

© Трябина Н. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Приближённые и окружение Шейбанидов и Мухаммеда Шейбанихана.	6
Пролог	15
Глава первая	17
Глава вторая	25
Глава третья	32
Глава четвёртая	38
Глава пятая	46
Глава шестая	52
Глава седьмая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Наталия Трябина
Шейбани-номад. Милосердный халиф

Глава

Приближённые и окружение Шейбанидов и Мухаммеда Шейбанихана.

*Смотрю я на тебя, узбек, и вижу, что очень хочется тебе стать
государем!*
Шейх Мансур

Летописцы и биографы Шейбанихана

Кемал ад-дин Али Мухаммед ал-Харави, или Камаль ад-Дин Бинои, (1453—1512), служил при тимуридах, потом явился к Шейбанихану. Автор *«Шейбани-наме»*, описание доходит до 1505 года.

Фазлаллах ибн Рузбихан по прозвищу **Хаджа Маулана Исфакани**, автор *«Записок бухарского гостя»*. (1457 – после 1530) — персидский богослов и путешественник, историко-граф.

Махмуд бен Вали. (? – умер в середине XVII века) автор *«Бахр-ал-Асрар»*

Мухаммед Юсуфа-Мунши, (17 век) — историк-ученый из Балха автор *«Тарихи Муким-хани»*

Масуд бен Османи Кухистани (XVI век) — придворный историк Суюнчходжа-хана и Абд ал-Латиф-хана в период правления Шибанидов в Бухарском ханстве.

Молла Шади, умер в начале XVI в. Среднеазиатский хронист, придворный историк Мухаммада Шейбани-хана, автор сочинения *«Книга победы»* или *«Фатх-наме»*.

Мухаммад Салах. (1455–1535) — староузбекский поэт, чиновник и историк государства Шейбанидов. С 1499 служил при дворе Мухаммеда Шейбани. Имел титул «царя поэтов» и высокие придворные должности Автор *«Шейбани-наме»*.

Мухаммад Хайдар Дулати (1499 –1551) автор *«Тарих-и Рашиди»*

Захириддин Бабур — (14 февраля 1483 – 26 декабря 1530). *«Бабур-наме»*

Династия узбекских Шейбанидов и их приближённые

Абулхайр-хан (1412 – 1468). Основатель государства кочевых узбеков в Даштикипчаке. Дед Мухаммеда Шейбанихана

Рабия Султан-беки (около 1435 – 1485 год) — дочь Улугбека, выданная замуж за Абулхайр-хана. Его четвертая жена. Похоронена в городе Туркестане

Сыновья Абулхайрхана от разных жён и наложниц:

Бурудж-оглан — старший сын Абулхайрхана. Существование этого сына, по мнению многих историков спорно, но такой человек жил и был убит Юнус-ханом.

Шейх-Хайдар — (1430-1469) мать из племени кунград, сыновья Бобай, Араб

Биржан-беки — старшая жена Шейх Хайдара.

Ходжа Мухаммед султан — мать Баркут-султан

Ахмед султан, — мать из племени мангыт.

Мухаммед султан — мать из племени мангыт.

Санджар султан, — мать из племени кунград.

Ибрагим султан — мать из племени кунград

Ак бурун султан — родился от наложницы.

Сайид Баба султан — родился от наложницы.

Кучкунджи-хан (1452 – 1530). Сын Абулхайрхана от Рабии Султан-бекима. Второй узбекский правитель из династии Шейбанидов в Бухарском ханстве. Правил с 1510 года. Имел троих сыновей:

Музаффар уд-Дин Абу Саид-хан (1472 – 1533)

Абдулла I (1480 – 1540)

Абдуллатиф (1495 – 1551)

Абду Наср Камал Ад-дин Севинч-бек (1456 – 1525). Второй сын Абулхайрхана от Рабии-султан-бекима. Правитель Ташкента с 1501 по 1510 год. У Суюнчходжа-хана было два сына:

Кельди-Мухаммед хан (1480 – 1532)

Науруз Ахмед-хан (1510—1556)

Ходжа Мухаммед, (1459 – 14) сын Абулхайр-хана от Рабии Султан бекима. Имел сына Джанибек-султана (1480 – 1529 г.) Его внук — Абдуллахан II. Главный герой романа Наталии Трябиной «Первый узбек».

Джанибек-султан (1480 – умер в 1529 г.), двоюродный брат Шайбани-хана, участник его военных походов.

Жана:

Кутлук-ханум, дочь Махмуд-хана, двоюродная сестра Захириддина Бабура.

Рукайя Султан бекима, сестра Захириддина Бабура

Шах-Будаг-султана, (1429 – 1458) старший сын Абулхайр-хана. Мать Буркут-султан.

Ак-Кози-бийим (Аккозы) из рода Алтан-хана, жена Шах-Будуг султана, мать Шейбани-султана и Махмуд-султана.

Мухаммед Шейбани, (1451 – 2 декабря 1510) по прозвищу Шахи-Бехт, Шейбанихан, старший сын Шах-Будаг-султана.

Его жёны

Михр Куаныш Ханум — дочь Бурундук-хана в 1495 году.

Махр Нигар Ханум, дочь моголистанского правителя Юнус-хана.

Дочь Худай-Берди-мирзы, сына Аббас-бека, развёлся с ней.

Дочь Хаванзаде, термезского Сейида

Айша-Султан-ханум, двоюродная сестра Бабура и его бывшая жена, дочь Ахмада Мирзы, была известна как Могол-ханум

Ханзаде Бегим, (1478 – 1545) дочь Умаршейха, отца Захириддина Бабура. Умаршейха. Брак в 1501 году.

Дамира, наложница, (1458 –?) мать Мухаммеда-Тимура, старшего сына и наследник Мухаммеда Шейбана

Его дети:

Мухаммед-Тимур (XV век. 1475 – 17 марта 1514 г.). Его мать наложница Дамира. Умер в области Хутталан. Тело его отвезли в Самарканд и похоронили в медресе Шейбани-хана.

женат на *Михр Султан Ханум*, дочери казахского хана Бурундука в 1495 году,

женился в 1500 году на *Султанум Бегум*, дочери султана Ахмада Мирзы и Катак Бегума,

женился третьим браком в 1503 году на Даулат Султан Ханум, дочери Юнус Хана и Шах Бегум.

женился четвертым браком в 1507 году на *Рукайе Аге*, бывшей жене Бади аль-Замана Мирзы, сыне Хусейна Байкары.

Сын *Абдуллах* (1501 – ?) У него был сын по имени *Мухаммад-Амин*

Сын *Пулад-султан* (1495 – 1529) от *Михр Султан Ханум*. У него был сын, прозванный Кукбури-султан.

Хуррам, родился от Ханзаде Бегим, дочери Умаршейха.

Абд ал-Шах-султан — от дочери Юнус-хана

Мухаммад Рахим Султан – от Айше Султан Ханум

Махмуд-султан (1455 – 1505) багатур, младший брат Мухаммеда Шейбанихана.

Его жёны:

Дочь Али-мирзы, сына Аббас-бека, сына Ваккаса из ногайцев.

Хаббит-бекич, дочь тевелесского бека, мать Убайдуллы-султана. С ней султан развёлся.

Дочь Али-суфи

Дочь Муртаза-ходжи. Умерла.

Дочь Иумнак-мирзы, сына Идику-бека. Племянница Махмуд-султана. Из ногайской орды.

Дочь Шейх Ибрахим-султана, племянница Махмуд-султана

Дочь Кул-Саййид-мирзы, развёлся.

Михр Нурия Ханум — дочь Бурундук-хана

Его дети:

Убайдулла-султан — (1487 год, Хорезм – 1540 год, Бухара) — пятый представитель узбекской династии Шейбанидов, который в 1533—1540 годах правил в Бухарском ханстве и являлся удельным правителем Бухарского вилайета

Кутлык Султан-ханым — жена, дочь Музафара Хусейна, родила наследника *Абдул-зиза* (1513– 1550)

Ойсулув жена

Ахмад-султан, сын, умер в младенчестве.

Мухаммед Рахим-султан, сын

Бай-Шейх-кукельдаш, уйгур, первый воспитатель Шейбанихана.

Карачин-бек, сменил Бай-Шейх-кукельдаша в деле воспитания и защиты Шейбанихана и его брата. Его сын *Канбар-бий* молочный брат Шахи-Бехта

Бахтияр-султан, двоюродный брат Абулхайрхана, сподвижник Абулхайр-хана.

Махди, (1448 – ?), сын Бахтияр-султана.

Алейке-султан, (1451 – 1473), сын Бахтияр-султана, друг и сподвижник Шейбанихана. Убит сыном Джанибек-хана Иринчи-султаном.

Хамзе-султан, (? – 1511) брат Алейке-султана. Служил Хусейну Байкаре, затем Бабуру, а в 1500 году перешел на сторону Шайбани-хана Военачальник Шейбанихана для нападения на улус Джаниш-султана, пятого сына Джанибек-хана.

Абд ал-Латиф султан, его сын. Женат на Ядгар Султан бекич, сестре Бабура.

Кобланды-батыр, один из самых известных военачальников Абулхайрхана из рода кара-кипчаков.

Первая жена Кортка Слу — ханская дочь.

Карлыге, вторая жена, убившая ради Кобланды-батыра отца и брата

Даирходжа-бий, прозванный Акжолом, из рода аргын.

Абдуразак Нахичевани — личный врач Абулхайрхана.

Мухаммед-Мазид-тархан, из потомков Кышлыка эмир. Хаким Туркестана.

Абдал-Али-тархан, эмир. Хаким Бухары.

Ядгар-багатур — даруга *Шейбани Мухаммеда* из племени икчи.

Ахмад-бек кушчи.

Алибек-ата — секретарь *Мухаммеда Шейбани*. В первоначальных скитаниях составил его жизнеописание.

Гасава-Саклаб, жена Урус-бия славянская полонянка, первоначально наложница *Шах-Будаг-султана*, впоследствии домоправительница *Мухаммеда Шейбана*.

Анвар, десятник, впоследствии сотник нукер *Мухаммеда-Шейбани*.

Умид, (1458 – 1508), племянник жены Ядгара-багатура. Впоследствии аталык султана Мухаммеда Тимура, сына Мухаммеда Шейбана. Получил новое имя — **Хуш-Амад-аталык**, то есть «Добрый день»

Равшан-бий, сын *Умида*, (1482 – 1541), аталык Пулад-султана.

Суннат-бобо — конюх Карачин-бека.

Сподвижники, военные соратники и лидеры узбекских племён.

Канбар-бий, сын *Карачин-бека*, кукельдаш *Шейбанихана*, предводитель найманов.

Якуб-бек — остролов, доблестный воин, лидер племени кушчи, младший брат Карачин-бека.

Ахир аз-Заман-бек — сын Якуб-бека, сподвижник Шейбани-хана.

Хаджи-Гази, — лидер мангытов и адгу уругу, участники сражения за Самарканд в 1501 году.

Хусейн Али — глава конгратов.

Джан Вефа-бий — одним из самых почитаемых беков среди приближенных хана. Предводитель дурманов, потомок Каджу Мергена. После захвата Самарканда назначен даругой.

Шейх-Мазид-бахадур из племени маджар, хаким Сыгнака.

Абукоч, Джалбаш, Баубек — предводители племени икчи.

Урус-бий — бывший раб, впоследствии сподвижник,

Алмеджук — пехлеван-единоборец.

Байан-Кара-оглан, сын Мухаммад Суфи-оглана

Шамун-Сеид, сын Кара-Сеида

Сеид Насир-ходжа, потомок Саййид-Ата, участник осады крепости Болдум-Саз

Али-Мардан-бахадур из омака уйшун.

Кул-Дарвиш-бахадур, предводитель уйгуров, сторонник Шейбани-хана и участник многих сражений.

Мамаш-бахадур из омака татар. Сподвижник. Хорошо рубился на саблях.

Ходжа Камал-ад-Дин Махмуд Сагерчи — визирь Шейбани-хана, предатель.

Наставники Мухаммеда Шейбани в Бухаре.

Мавлана Мухаммад Хитайи

Джамал ад-дин Азизон

Шейх Худайдод Вали.

Шейх Мансур «Гляжу я на тебя, узбек...»

Правители Ногайской орды и их родственники

Едигей — 1352—1419) — темник Золотой Орды в конце XIV – начале XV веков. Основатель Мангытского юрта и династии, возглавившей Ногайскую Орду. У Едигея было больше двадцати сыновей.

Мансур — (? –1427)

Нураддин — (? – 1440), сын Едигея

Гази-бий — (? – 1428), сын Едигея

Наурус — сын Едигея.

Кей-Кавад — сын Едигея.

Султан-Махмуд — сын Едигея.

Мубарак — сын Едигея.

Куджаш (Хаджи-Ахмед) — внук Едигея, сын Гази-бия.

Ваккас (Оказ, Указ) — сын Нураддина, внук Едигея (? - 1447г.), беклербек Абулхайр-хана.

Аббас — его брат.

Муса — сын Ваккаса (1419 – 1502 г.). Одна из жён — внучка хана Золотой орды Ахмата.

Ямгурчий-мирза — брат Мусы

Хорезми — брат Мусы.

Шагим — старший сын Мусы от первой жены.

Шейх-Мамай — сын Мусы.

Юсуф — сын Мусы.

Алгачир — сын Мусы, его мать Хозияк-Султана, женат на дочери крымского хана Менгли-Гирея Алагунте

Исмаил — сын Мусы

У мирзы Мусы было пять жён и двадцать сыновей.

Правители Великой степи, их родичи и приближённые.

Гирей-хан (142?–147?) — старший хан казахов в середине XV века.

Бурундук-хан, (1436 – 1511) его старший сын — первый казахский владетель, противник Шейбанихана. Но в 1494 году породнился с Шейбанидами. Одна его дочь вышла замуж за самого Шейбани-хана, вторая за родного брата Шейбани-хана Махмуд султана, а третья за его сына Мухаммед Тимур-султана. Сыновья Бурундук-хана **Шайхим, Санджар-Джахан и Джахан-Бахти**, ни один из них не правил.

Ходжа-Мухаммад — (1450 – ?) второй сын Гирея.

Султан-Али — (1454 – ?) третий сын Гирея.

Джанибек-хан, (1428 г – 1480) «Кичи Джанибек-хан», родственник и сподвижник Гирей-хана..

Иринчжи-султан, (1449 –) старший сын Джанибек-хана

Махмуд-султана, (1453 – 1476) второй сын Джанибек-хана.

Касим-хан — третий сын Джанибек-хана. (1455 гг.– 1518 год). Его мать Джаган-бегим, родная сестра Ак-Кози, матери Махмуд-султана. На рубеже XV–XVI веков Касим был реальным вождем казахов. Дети:

сыновья:

Абулхаир-султан (1475 – 1511) Мать – Ханык Султан Ханым

Мамаиш-хан, (1480 – 1523)

Хак-Назар-хан, (1509 – 1580)

дочери:

Кутлук Султан-Ханум, выдана замуж за Убайдулла-хана, сына Махмуд-султана.

Булдур Ханым

Адик (1457 – после 1503) — четвёртый сын Джанибека, активный участник походов Бурундук-хана против Шибанидов. Его дети:

Тахир-хан, (1486 — 1533) его сын, правитель казахского ханства в (1523 – 1533)

Буйдаиш-хан (? – 1560) сын

Абу-л-Касим сын

Бауиш-хан сын

Кожаш сын

Джаниш (Жаныш) (1453 – после 1513) — пятый сын Джанибека, участник борьбы с шейбанидами

Канбар — шестой сын Джанибек-хана. Был единоутробным братом Касима

Таниш (Тыныш, Тиниш, Биниш) (1453 – после 1513) — седьмой сын Джанибека, известен тем, что потерпел крупное поражение от войск Мухаммеда Шейбани.

Джадик (XV в. – 1520 гг.) — казахский султан. Девятый сын хана Жанибека. Его жёны: *Дадым-ханым*, дочь Бурундук-хана.

Абайкан-бегим, родила сына Шигая (1500–1582)

Уч-Тэмур-тайши — ойратский тайши (1455 – 1478). Сын и наследник Эсэн-тайши (1439 — 1454). В 1458-1460 годах воевал с Абулхайрханом и побеждал его..

Бек-Ата-бахадур из йигитов Туркестана, происходящий из уруга Салор-Казана

Аба-Бакр-бахадур, его старший брат.

Чакмак-июзбаши из Сыгнака.

Правители Моголистана

Васихан (Султан-Увайс-хан) — титул правителя Моголистана с 1418 по 1421 год.

Эсен Буга-хан, младший сын Васихана, (1417–1462), правитель Моголистана с 1429 по 1462 годы.

Юнус-хан или **Йунус-хан** (1415–1487), династия Тоглук-Тимуридов. Хан Моголистана 1468–1487 гг.

Его дети:

Султан-Махмуд-хан — сын, (1463–1508). Прозвище «Ханике-хан» — «старший». Его мать Шах-беким Бадахши. Убит в Ходженге вместе со своими сыновьями по приказу Шейбанихана

Султан-Мухаммад, (1483 – 1508) его сын. Кроме него у Султан Махмуд-хана было четверо сыновей. Все пятеро погибли в 1508 году.

Султан Масуд Мирза, сын, женат на дочери Ахмад Мирзы Рабия Султан Бегум,

Джамбул — аталык султан Махмуд-хана в период его правления в ташкентском вилояте.

Султан-Ахмад-хан — сын Юнус-хана, (1465–1504), умер от паралича. Прозвище «Алача-хан» — «пёстрый». «Алача-Убийца». Правитель Центрального и Восточного Моголистана с 1485 по 1504 год. С 1485 по 1495 год воевал с ойратами и шейбанидами за власть в Моголистане.

Мансур-хан, (1484—1544) старший сын Султан-Ахмад-хана

Махим-ханым — вторая дочь Султан-Ахмад-хан, жена *Буйдаш-хана*, сына казахского правителя Адик-султана.

Мехр Нигар-ханым — дочь Юнус-хана, выдана замуж за Мухаммеда Шейбанихана.

Султан-Нигар-ханым — дочь Юнус-хана, выдана замуж за Султан Махмуда мирзу (1453-1495), третьего сына тимурида Абу Сеида.

Хуб Нигар-ханым — дочь Юнус-хана, выдана замуж за Мухаммад Хуссаян гурагани.

Кутлук Нигор-ханым — дочь Юнус-хана, выдана замуж за тимурида Омар Шейха, или Умаршейха, написание и произношение не унифицировано, мать Захиридина Бабура.

Сеид Али, дуглатский эмир

Эмир Бедельбай — один из приближённых Махмуд-хана

Есаул Дандай — есаул Махмуд-хана.

Ахмад-бек — хаким Ташкента при моголистанском Махмуд-хане.

Правители Сибирского ханства

Хаджи-Мухаммед Шибанид (? – 1423) дед Ибак хана.

Махмудек Шибанид, его старший сын и отец Ибак-хана

Ибак-хан, сын Махмудека, правил 1468–1495

Ханзада, дочь Ибак-хана. Выдана замуж за Мусу-бия, ногойского беклербека

Мамук-хан, брат Ибак-хана правил 1496–1502

Агалак, хан Сибири. 1502–1530

Джилбек, брат Ибак-хана. Погиб в стычке с Мухаммедом Шейбани под Хаджи-Тарханом.

Сайдек, сын Ибак-хана. Погиб.

Тулук, сын Ибак-хана.

Правители Большой орды и Хаджи-Тархана

Ахмат-хан, сын Кучук Мухаммеда из рода Тукайтимуrow. Правитель Золотой Орды с 1460 совместно с братом Махмудом, с 1471 года до 6 января 1481 года самостоятельно. Женат на сестре Мусы-бия.

Махмуд-хан, сын Кучук Мухаммеда из рода Тукайтимуrow. Правитель Золотой Орды с 1460 - 1471 года совместно с Ахмат-ханом, его старший брат.

Касым-бен-Махмуд-хан, сын Махмуд-хана, Правитель Хаджи-Тархана. (Астрахани)

Тимур-бек, один из эмиrow Касым-хана, отвечал за жизнь Шейбани-султана и его брата Махмуд-султана в Астрахани.

Тимуриды Мавераннахра и Хорасана.

Абу Саид Мирза (1424 – 1469). У Саида Мирзы было тридцать девять жён и шестьдесят детей. Среди них:

Султан Ахмад Мирза (1451 – 1468 – 1494). Старший сын Абу Саиды Мирзы. Правитель Мавераннахра. *Мать Малик-Султан бекиm*. Сыновья умирали в младенчестве. Две дочери, *Айша Бегим* и *Масума Султан Бегим* были жёнами Захириддина Бабура

Михр Нияр Ханум была первой женой султана Ахмеда Мирзы, она была старшей дочерью Юнус-хана и Айсан Даулат Бегум. Историки утверждают, что он был одним из богатейших людей Центральной Азии.

Султан Махмуд Мирза (1453 – январь 1495). Второй сын Абу Саида Мирзы. Мать Малик-Султан бекиm. Правитель Мавераннахра после смерти Султана Ахмад Мирзы. Десять детей.

Байсункар мирза (1477—1499), сын Султан Махмуд Мирза, правил Мавераннахром после отца. Байсункар мирза погиб 17 августа 1499 года от рук Хусрау-шаха в Гиссаре

Султан Али мирза, (1479 – 1500) сын Махмуда Мирзы, правитель Карши. Недолгое время правитель Самарканда. Был убит сыном Тимуром, сыном Шейбанихана.

Зухра Бики Ага — его мать.

Умар Шайх Мирза II (1456 – 1494 гг.) — правитель Ферганской долины. Четвёртый сын Абу Саида Мирзы, отец Захириддина Бабура.

Захириддин Бабур — (14 февраля 1483 – 26 декабря 1530), отец — эмир Ферганы Умар-Шейха-мирзы II, мать — Кутлуг-Нигар-ханым (1459–1505) дочь моголистанского правителя Юнус-хана. Больше двадцати детей. Его наследник Хумаюн.

Джахангир-мирза (1485—1507) — младший брат и соратник Бабура, основателя Империи Великих Моголов в Индии. Его мать Фатима-Султан, дочь могольского туманбека.

Насир-мирза (1487—1515) — младший брат Бабура, основателя Империи Великих Моголов, его мать Умида, наложница из Андижана.

Эсан Давлат-бегим — бабушка Захириддина Бабура, одна из жён Юнус-хана
Жёны Бабра:

Айша Султан Бегум — дочь Ахмада Мирзы и Катак Бегум (двоюродная сестра)

Масума Султан Бегум — дочь Ахмада Мирзы и Хабибы Султан Бегум. (двоюродная сестра)

Ибрахим Сару из племени Минг, военачальник Умар Шейха, предавший Бабура и перешедший на сторону Байсанкура, его двоюродного брата.

Сейид Касим ишик-ага, наиб Захириддина Бабура

Ходжа-кази — покровитель и духовный наставник Захириддина Бабура

Али Дуст-тогай

Канбар Али-бек

Султан Ахмед Танбал, приближённый Захириддина Бабура. хаким Андижанской области, заявившей в 1501 году о своей самостоятельности от правителей Моголистана. В 1504 году казнён Шейбани-ханом.

Тильбе, его старший брат

Шейх Баязид — брат Танбала, Хаким Ахси.

Мухаммед Дуст Тагай, военачальник.

Абуль-Мекарим, влиятельный самаркандский учёный, сторонник Бабура

Гияс-ад-дин Мансур Мирза (1417-1445), отец Хусейна Байкары

Хусейн Байкара (1438, Герат, — 4 мая 1506, Баба-Илахи, близ Герата) правитель Герата с 1469 года. Было 13 сыновей, его наследник Бади-аз-Заман Мирза

Хадиджа Беги Ага, вдова Абу Саида и любимая жена Хусейна Байкары. Мать Муин уд-Даула ва-д-Дин Музаффар Хусайн Мирзо, второго наследника Байкары.

Бади-аз-Заман Мирза (1458 – 1511), сын Хусейна Байкары.

У Бади аз-Замана было двое сыновей:

Мухаммад Мумин Мирза – с Урун Султан Ханум; (**р. 1486 ум. 1497**)

Мухаммад Заман Мирза – с дочерью Тахамтан Бега, женат на Масуме Султан Бегум, дочери императора Бабура

Музаффар Хусейн Мирза (1473–1509) — шестой сын Хусейна Байкара

Абул Мухсин-Мирза(1474 – 1507), сын Хусейна Байкары

Ибн-Хусейн Мирзо(1479 – 1507)

Мухаммад Мухсим Хасан Мирзо(1476 – 1501)

Мухаммад Хусейн Мирзо (1476 – 1499)

Муин уд-Даула ва-д-Дин Музаффар Хусайн Мирзо(1475 – 1509). Правитель Герата совместно с братом Бади-аз-Заман Мирза после смерти отца.

Маджуд-дин-бек — визирь при Байкаре после отъезда Алишере Навои в Астрабад

Шах-Будаг туркмен, Зайнал-бахадур, Юсуф Суфи-бек, Мирза Ахмад-Али-Кары-бек — беки, мирзы и эмиры Хусейна Байкары

Алишер Навои (9 февраля 1441, Герат – 3 января 1501, там же) — тюркский поэт, суфий, государственный деятель тимуридского Хорасана.

Дервиш-Али — единственный родной младший брат Алишера Навои.

Абдалхалик-бек, хаким Ургенча

Пир Мухаммад Вали-бек — туманбеги Хусейна Байкары.

Насыр-ад-дин Убайдуллах ибн Махмуд Шаши, также известный как **Хаджа Ахрар** (1404—1489) — наставник Ахмада Мирзы

Хаджа Яхья — сын Хаджи Ахрара, фактический правитель Самарканда в конце XV века. Поддерживал в междоусобицах Султана Али-мирзу, племянника Ахмада Мирзы.

Абдулали-тархан, хаким Бухары

Ахмед Хаджи Бега — тесть *Ахмада Мирзы*

Насрулла-ходжи, имам

Отабек — опальный есаул

Бектемир-наиб — есаул

Алимардон-эмир — тысяцкий

Хуршид-тархан — хаким Самарканда

Тургун-бек — смотритель Кок-сарая

Амир-бек — десятник при Ахмаде Мирзе.

Пролог

В начале тринадцатого века от рождества Христова с востока на обозримый цивилизованный мир стремительно напознала чёрная волна кочевников под предводительством несокрушимого Чингизхана. Никто из его современников не знал, откуда он появился и не понимал, что мир давно стал другим. Кочевники накатывали волнами необузданного, всепоглощающего океана жестокости. Они затопили некогда цветущие оазисы горем и кровью. Захватчики не понимали чуждой им культуры, повсюду устанавливали свои порядки, ужасные и дикие. Чингизхан не признавал никакой власти, кроме своей. Яса, свод законов, составленный им, а затем подправленный уйгурскими и китайскими правоведами, закреплял его личную власть и его прямых потомков по мужской линии.

Впоследствии это привело к жутчайшим междоусобным войнам среди многочисленных потомков Чингиза, его детей, внуков и правнуков. Не обошли стороной войны территорию Золотой Орды, улуса старшего сына Джучи, доставшейся Бату-хану. Спустя столетие Джучиды действовали уже не опираясь на закон-Ясу, а с позиции силы. Распад Золотой Орды в конце XIV – начале XV века привёл к созданию новых государств, но по традиции во главе них стояли Чингизиды. Несоблюдение этого странного условия поставило большую часть мусульманского мира на грань хаоса.

Мечеть Джамии с порталом, сверкавшим бирюзой и лазурью, отражалась яркими всплесками лучей в изразцовых окнах дворца шахиншаха Исмаила Сефевии. Сам правитель, рыжеволосый и рыжебородый полноватый мужчина с веснушчатым белым лицом сидел за низким резным столиком. Он внимательно разглядывал то, что находилось на золотых подносах на уровне его весёлых глаз. На губах правителя играла ликующая улыбка, никак не соответствовавшая тому, что громоздилось на чеканных драгоценных блюдах.

Справа на подносе стояла роскошная золотая чаша. Её витая ножка упиралась в массивное основание, украшенное множеством шлифованных драгоценных камней. Макушкой необыкновенной чаши был человеческий череп, именно он радовал шахиншаха и вызывал довольную ухмылку. Верхняя челюсть сохранилась, крупные зубы почти все целые. Даже клыки и коренные зубы говорили о том, что череп принадлежал ещё не старому, а полному сил и здоровья человеку средних лет.

На второе блюдо, слева от Исмаила, была водружена голова мужчины. Если бы это была мёртвая голова, то она бы смердела и тарасила тусклые полужакрытые глаза на правителя. Но на блюде стояло чучело, набитое соломой. На аккуратно выдубленной коже сохранились не только чёрные волосы бороды и щетина на голове, но и шрам на правой щеке. Этот шрам хорошо виден шахиншаху, он протягивает руку к блестящим глазам из чёрного оникса в оболочке белой эмали и снова улыбается.

За этим же столом, почти напротив правителя, сидел и смотрел на череп и чучело головы Мир Наджмиддин Хузани, прозванный Наджми Сани. Это был, с одной стороны просвещённый и известный в Исфахане человек, а с другой стороны жестокий и непримиримый борец со всеми противниками шиизма. Наджми Сани был почти другом шахиншаху, но никогда не говорил этого вслух и даже во сне не решался проговориться.

— Прибежище вселенной! Придворные ювелиры и кожевники постарались на славу, стремясь порадовать вас усилиями по исправлению мерзкой внешности вашего врага. — Наджми Сани прищурился и с воодушевлением продолжил: — Как всё-таки он отвратителен, этот наглый узбек!

— Своей смертью он заплатил за моё унижение. Ты только вспомни, он же прислал мне нищенскую шапку дервиша и кашкуль* для сбора подаяний! Мне, шахиншаху! Зато теперь он смотрит на меня выжатыми неживыми глазами. Решено, я пошлю эту голову турецкому султану Баязеду. Пусть подумает, что его ждёт в будущем.

Исмаил махнул левой рукой, заставляя рабов принести шербета и сладостей. Он был довольно упитанный, но сладости любил неимоверно. Видимо, голодное детство и отсутствие лакомства сказывалось в зрелом возрасте. Недостаток соответствующего воспитания привёл к тому, что он был левшой. Шахиншах часто брал хлеб левой рукой, а в отхожем месте пользовался правой. Отхлебнув из высокой стеклянной чаши янтарную жидкость, он взглянул на своего военачальника.

— Царь царей! А куда вы отправите его руки? Руки же ему тоже отрубили?

— Руки? Правую получит правитель Мазендарана Ага Руз Афзуну, слишком рьяно он поддерживал этого дикаря. А левую отправлю Захир-ад-Дину Бабуру. На словах велю передать слова: *«Шахи-бек лишил тебя Самарканда, а я его лишил всего мира»*. Как ты думаешь, это достойные подарки моим врагам и сторонникам?

Наджми Сани задумался. Ничуть не жалея умершего врага, посылая проклятья вслед погибающим в зыбучих песках его воинам, он несколько не задумывался о справедливости по отношению к пленным. Это на западе, у неверных пленный большая ценность, за него можно получить много золота. Но на Востоке пленный враг это враг навсегда. Стоит того отпустить, даже за огромный выкуп, как он начинает с удвоенной силой мстить и выискивать возможность разорвать горло своему благодетелю. Клятва не поднимать против бывшего врага оружие нарушалась всегда.

На Востоке пленных не брали. Раненых врагов добивали, часто развлекались, строя из их голов башни разной высоты. Чем выше башня, тем почтительнее и уважительнее к военачальнику относятся соратники, а тем более противники. Шахиншах, несмотря на относительную молодость, а может и благодаря ей, башни возводил внушительные. Наджми Сани, вглядываясь в неживые глаза Шейбанихана почему-то решил, что и его жизнь закончится так же, пленом и отрубленной головой. О чём в это время думал шахиншах, так и осталось тайной.

Глава первая

Наконец-то закончилась суровая и снежная зима. К весне кладбище за стойбищем пополнилось несколькими десятками могил младенцев и стариков, не переживших холодов и бескормицы последней зимовки. Это было обычным делом, никто лишний раз не начинал рыдать, распускать волосы и царапать щёки. Как пришли в этот мир, так и ушли: тихо, благостно, никому не надоедая младенческим болезненным писком или старческим кряхтением.

Около сорока кибиток* двигались с юга на север, меняя кстау* на коктеу*. Кочевники наслаждались теплом и влажным весенним ветром. Впереди, верхом на верблюде-наре* ехала самая красивая незамужняя девушка юрта и распевала во весь голос:

*Снова девушка одна
Возглавляет караван
И ведет на поводу
Тридцать наров - все желты!
Сам таких не видел ты!
Медь намордников - как жар,
Шелк сученый - поводка,
А под ней самую нар -
Краше всех, могуч и яр!
А сама, сама она -
Словно полная луна,
Как серебряный сазан,
Разыгравшийся в воде,
Гнет она свой гибкий стан.*

Рядом с ней, кто на верблюдах-нарах, кто на простых косматых лошадках, двигались её подруги. Все в Великой степи должны видеть, что семья меняет надоевшие угрюмые зимние убежища на ликующее весеннее раздолье.

На весенних пастбищах остригли овец и баранов. Шум и гам стоял до небес. Сначала аксакалы долго всматривались в горизонт и спорили, будет дождь с ветром и холодом или пронесёт непогоду стороной. После шумных препирательств и негодующих воплей сумели договориться. Устанавливали навесы и помосты для стрижки. Любой кочевник мог за то время, что пятилетний мальчишка обежит вокруг стоянки остричь овцу, но не все этим делом занимались. Для тяжёлой работы в роду были жатаки*, и дел для них было в это время много. За световой день одинарными овечьими ножницами даже опытному стригалю удавалось остричь двадцать пять – тридцать овец, а их у Шах-Будаг султана была не одна тысяча.

Поэтому работали все. Молодой султан, весёлый и красивый мужчина с удовольствием поглядывал на свою единственную жену. Конечно, это был беспорядок, жён у его родных, сводных и двоюродных братьев и друзей-родственников было немало, Старший сын Абулхайрхана в отличие от своего отца и многочисленных сводных братьев, на других женщин смотрел без интереса. Не то, что другие — чуть увидят молоденькую девушку, едва распустившуюся степным тюльпаном, тут же за штаны хватаются!

Жена его, Ак-Кози-бийим из рода Алтан-хана не была писаной красавицей. В степи были девушки красивее неё. Но глядя на других, Шах-Будаг так же ровно дышал, словно разглядывал он не признанную всей Великой степью красавицу, а новую курдючную овцу, что принесла двух ягнят. Молодая женщина росточка была невысокого. Какие у неё руки и ноги никто,

кроме мужа, не знал и никогда не видел. Волосы по обычаю спрятаны под кимешек*, хотя даже его белый цвет не такой белый, как лицо любимой женщины султана. Лицо у неё, как у всех киятов, было плоское, нос приплюснутый, но раскосые глаза широко распахнуты. Они не прятались за набрякшими веками. Мало того, глаза были опушены длинными ресницами. Когда Ак-Кози была маленькая, все дети смеялись над ней и дразнили. Говорили, что у неё коровьи ресницы или она приклеила себе баранью шерсть на глаза. Девочка горько плакала и однажды со злости остригла себе ресницы. Как не попала острым концом ножниц в глаз, никто не понял, её мать тоже не поняла. Но после этого ресницы у девочки стали ещё гуще.

Все девушки и молодые женщины одевались одинаково, платья отличались только материей, из которой их шили. Ак-Кози, хоть и была дочерью хана, сама себе шила одежду и вышила её тамбурным швом. Её халаты, шаровары и оборки на платье, сшитые из простой ткани, украшены разноцветными стекляшками и сложной вышивкой на зависть всем степным красавицам. Кимешек жены султана был вышит толстыми нитками и звенел медными бляшками. Драгоценности молодая женщина любила, но хвастать ими не хотела, чтобы не стали завидовать по-настоящему. Так и до беды недалеко.

Все кочевники, несмотря на статус, обували сапоги. Те были пошиты из разной кожи, начиная от замшевой* или шагреновой, украшенные* богатой вышивкой у султанов и батыров. Простые джигиты довольствовались удобной юфтью*. В степи ходить босиком себе дороже. Степь — это не выметенный двор изнеженных оседлых тимуридов. Здесь можно напороться на колючки, острые камешки, старые кости, оставшиеся от предыдущей стоянки и надолго обезножить.

Султан смотрел на жену и не мог нарадоваться. Она опять беременна, круглый и выпуклый живот обещал прибавление семейства. У него уже есть наследники, продолжатели дел его деда и его самого, Но Шах-Будагу хотелось, чтобы родилась девочка, такая же ласковая и милая, как его жена. Но как Всевышний захочет, так и случится. Хоть и беременна его жена, хоть и единственная жена наследника, но Ак-Кози-бийим никогда не сидела без дела. Она сама не разбирала овечью шерсть, но строго следила за жатаком Жолдасом. Тот лишь по виду шерсти мог определить не только с какого места овцы срезан этот клочок, но и сколько ягнят принесла овца, когда последний раз досыта ела и пила. Сам Жолдас не только следил, чтобы все работали, но не гнушался вместе со всеми сначала разбирать шерсть, а потом чистить, мыть, сушить и вычёсывать кипы состриженной шерсти.

Из шерсти валяли кошмы, пряли нити, из нитей ткали одежду, делали ковры, паласы. Всё это делалось с учётом осеннего обмена, от этого зависело богатство султана. Конечно, кроме частых набегов на друзей, соседей и врагов. Баранта* была делом нередким, особенно в осеннюю пору, когда кони насытились и могли без усталости проделывать длинные концы по степи.

Шах-Будаг набегу презирал, его мутило от вида крови и тошнило от гниющих трупов. Конечно, он никогда и никому об этом не говорил, отворачиваясь не показывая и не говорил, что ему противны военные подвиги. В этом он сильно отличался от своего отца, грозного и удачливого Абулхайрхана, грозу Великой степи. Не приведи Всевышний и Кок Тэнгри*, отец или кто-то ещё догадается об этом. Одна Ак-Кози-бийим понимала его ненависть к воинским забавам, но благоразумно помалкивала, лишняя раз язык в досужих разговорах не распускала.

Его брезгливость к разбою возникла в раннем детстве, когда отец начал брать его в набег на соседей. Абулхайр-султан, ставший ханом в шестнадцать лет, задолго до рождения старшего сына, много и успешно воевал. Главы двадцати четырёх многочисленных и богатых племён поддерживали его притязания на главенство в степи. Не старый ещё хан Дешт-и Кыпчака Мухаммед-ходжи очень кстати погиб. По-разному рассказывают о его смерти, Шах-Будаг терялся в догадках: или его отец смелый и стойкий хан или он подлый убийца? Говорить об этом вслух Шах-Будаг никогда бы не решился.

Молодые ханы, Мухаммед-ходжи и Абулхайр дружили, встречались на джайляу, словно родные. Ездили друг к другу в гости, пили кумыс, ели бешбармак*, любовались на красивых девушек, и не только. Так было до той поры, пока Абулхайр-султана старейшины не подняли по обычаю Чингиз-хана на белом войлоке. Мухаммед-ходжи-хан в это время был в степи главным и сильно осерчал. Но Абулхайрхан и не думал отказываться от верховенства, что само плыло в руки. Как-то так случилось, что на осенней охоте, молодой хан подстрелил не очень молодого, но законного правителя Дешт-и Кыпчака. Никто не вопил и не сожалел об утрате — у молодого хана был крутой нрав. Тем более, что он женился на вдове убитого им султана.

Рассказывают и по-другому. Вроде на берегу Тобола произошла страшная сеча, где Мухаммед-ходжи-хан был наголову разбит. Взятый в плен, он начал стыдить своего друга и поплатился за это — его казнили. Но его вдова всё-таки стала женой Абулхайрхана.

Обе истории были неприятны Шах-Будаг-султану. Убить исподтишка мерзко и бесчестно. Казнить пленного тоже позорно, тот несчастный не может сопротивляться и защищать свою жизнь. Ещё гаже, старший сын Абулхайрхана, считал женитьбу на вдове поверженного врага. Неужели мало в степи красивых женщин? Видимо он не понимал некоторых вещей, и судя по тому, что в набегах не стремился привести женщин в свою юрту, так никогда этого не поймёт.

Иногда, сидя верхом и думая о грядущих днях, молодой наследник ёжился в предчувствии неясного будущего. Когда не станет отца, он не сможет удержать всю Великую степь в своих руках. Это надо делать жёстко, даже жестоко, не жалея ни родных, ни друзей. Казнить не за один лишь проступок или предательство, а за намёк на предательство, за подозрение. Шах-Будаг никогда бы не решился убить невинного человека без явного доказательства его преступления. Свою нерешительность он относил на счёт того, что отец никогда никому не позволял спорить с ним или предлагать свои пути решения дел.

Абулхайрхан презрительно кривил твёрдые тонкие губы, сплёвывал и, уставившись говорившему не в глаза, а чуть выше, в лоб над переносицей, грозно вопрошал:

— Кто тебе позволил говорить раньше хана, собака... — так он обращался ко всем, независимо от того, старик перед ним или уважаемый бий.

Мало кто после этого хотел второй раз нарваться на грозный окрик или получить хлёсткий удар дойыром*, камчой* для охоты. Хорошо, если так. Бывало и хуже. Нальются щёки хана кровью, скрипнет зубами, скривится хищный рот и поминай как звали смелого батыра. Никогда Шах-Будаг не решался так разговаривать с людьми. Как-то раз, ещё неженатым джигитом, он попытался накричать на своего брата Ядгара, да будет его пребывание в чертогах Кок-Тенгре безмятежным и радостным. Отец и грозный хан услышал, а потом навсегда отучил своего старшего сына чувствовать себя ханом. Хорошо, что не при всех отходил до крови возмнившего о себе сына.

Запомнил Шах-Будаг не боль рассечённой щеки и текущую кровь, не синяки с кулак величиной, мешавшие неделю сесть в седло, а белые ненавидящие глаза отца и безжалостные, злобные слова:

— Станешь ханом, тогда и будешь распоряжаться своими братьями. А сейчас ты овечий помёт под ногами убогого жатака! Ещё раз услышу, что ведёшь себя ханом, останешься без головы.

Хорошо, что руки-ноги не переломал своей знаменитой камчой, известной всей степи. С детства боясь отца, его голоса и гнева, султан затих и с тех пор не пытался на него походить, думать о ханском троне и ханской участи. А после того, как Рабия-султан-беким, дочка умершего правителя Самарканда Улугбека, нарожала отцу кучу сыновей, понял, что правителем ему никогда не стать. Знал, что дорожка к престолу извилистая, как тропка в незнакомой степи. Там непонятно, в какой стороне колодец, где протекает тихая речушка с гнилой водой, и как вернуться к родной кибитке.

Все мысли султана вертелись теперь вокруг его жены, двух сыновей и юрта. Он хотел, чтобы его юрт был самый богатый, чтобы шкура кобылиц лоснилась от жира и они давали много вкусного молока. Из него женщины делали пьянящий кумыс. Когда юрт, возглавляемый Шах-Будагом, уходил из стойбища возле Сыгнака на джайляу, он всегда радовался, но всеми силами старался это скрыть. Меньше отец будет на него коситься, меньше придётся подлизываться к младшим, но более жестоким и желанным для отца братьям. Каждая из жён отца, да мать султана тоже, стремились подвинуть своего сынка поближе к его трону. Не понимали глупые женщины, что тот думает лишь о своём величии, о том, как его достичь.

Насколько видел глаз самого зоркого беркута, степь на все четыре стороны света была покрыта зелёной травой, густо усеянной полевыми цветами, радующими любого кочевника. Трава и цветы — это будущие тучные бараны, это жирное молоко кобылиц, это торчащие горбы наров и бактрианов*. Это здоровые и сильные младенцы, весёлые довольные женщины и много хмельного кумыса для мужчин.

В каждой из кибиток было не меньше двадцати взрослых мужчин, женатых хотя бы на одной женщине. Чаще всего у джигитов было по три-четыре женщины. Но были и такие, что ни одной жены не имели. У них даже юрты не было. Бездельники и лентяи, они таскались по жизни, подбирая крохи в ходе удачных набегов. Во время сходов и обсуждения дороги на джайляу*, их голоса никто не слышал, потому что к писку комара или жужжанию мухи никто не прислушивается. Если у мужчины есть всего десять-пятнадцать баранов то это не мужчина, а не пойми кто...

От Сыгнака, города Абулхайрхана, отошли на тридцать фарсагов. Шли долго, на полпути останавливались на весеннюю стрижку, где провели не меньше луны. В том месте была возвышенность, во все стороны открывался широкий простор, радующий любого кочевника. Трава была сочная и высокая, овцы после стрижки успели покрыться короткой шерсткой. Теперь им не страшен был ни ковыль, ни репейники. После стрижки двигались медленно, нигде больше чем на три дня не задерживались. Стада двигались широким веером. После отар и табунов оставалась коричневая, выеденная овцами чуть ли не до травяных корней земля. Но это ненадолго. Через две-три недели трава опять поднималась, словно никто и никогда не проходил в этом месте.

Сегодня к вечеру остановились невдалеке от колодца. Ничего общего с городскими колодцами или сардобами* это сооружение не имело. Десятки, а может и сотни лет назад узенькую речушку, текущую с востока на запад в сторону Сейхуна, углубили и расширили на протяжении нескольких десятков локтей. Кто озаботился этим, никто не помнил. Но все знали, что вода здесь есть и это место кочёвок киятов. В этом месте можно было остановиться на неделю-две, отгоняя отары на полфарсага вправо и влево от временного стойбища.

Жатаки и женщины продолжали заниматься обычными делами. А дел у них всегда было выше макушки. Это лишь кажется, что женщины болтают да песни поют. На самом деле с восхода солнца и до заката каждая из них ни на миг не может присесть, если только сидя не работает. Когда женщина сидит, поджав под себя ноги, перебирает шерсть, или прядёт её, даже тогда она занята делом. Некоторые женщины лучше управляют с кожами, другие с шерстью, третьи готовят вкусную еду. Но о еде на летних стоянках никто не беспокоился.

Каждая семья готовила себе еду отдельно. Сварить еды на весь аул при всём старании не смогли бы — такого огромного котла просто не довести до джайляу. На зимовье были большие котлы, а тащить в степь неподъёмную тяжесть никто не хотел. Да и семьи были такие, что у мужчины три жены в трёх юртах, и у каждой по несколько детишек. Вот и договаривались женщины готовить по очереди. Бывало, что двоюродный брат забивал охромевшую лошадь, так он делился мясом с родней, всё равно по летней жаре за два дня целую лошадь не упростать.

У Шах-Будаг-султана была одна юрта. Возле очага по вечернему времени возились две рабыни. Обе молоденькие, с каждой из них султан время от времени спал. Если бы этого не происходило, соплеменники засмеяли бы его, обвиняя в мужском бессилии. Мало того, что жена одна, да ещё и бесплатной наложницей не пользуется. Одна была из племени аргын, это был подарок отца. Абулхайрхан не понимал упорства сына, который не брал второй жены. Он всё время подсовывал ему молоденьких пленниц. Естественно, предварительно поваляв её на своей кошме.

Вторая была из саклабов. Таких в казахских степях было много. Частенько урусы бросали свои дома и бежали туда, где они надеялись обрести волю от своих ненасытных бояр. Но эта мнимая свобода, от своего бия, или как русы говорили князя, иногда оборачивалась для них пленом и рабством. Так и появилась вторая. Её на торжище углядела сама Ак-Кози. Девчонке было не больше двенадцати-тринадцати лет. Её голые ноги были в засохшей крови. И не от ран на ногах. Молодая женщина поняла, что девчушку замучают вконец. Поэтому она, вытянув два раза владельца порченого товара своей плёткой, отдалённо похожей на камчу, просто забрала несчастную с собой. Мерзавец вопил и требовал оплату, но султанша отослала его к Абулхайрхану.

Через год, когда девушка повзрослела и сама стала поглядывать на мужчин, Ак-Кози намекнула мужу, что не мешало бы осчастливить сиротку. Так мужу будет о чём рассказать отцу на охоте или на пиру. Жена султана не собиралась запоминать имена мужниных подарков. Одна звалась Саклаб, вторая Аргын. Они быстро научились всем тем вещам, что должна уметь делать женщина в стане кочевников. Аргын было проще, она и верхом хорошо ездила, отличала хорошую шерсть от плохой, могла приготовить не только баурсаки и катык, но сделать казы или шужак*. Саклаб, научившись говорить на тюркском языке, всё время тосковала по хлебу и капустной сорпе*. Остальные не понимали, как можно любить такое варварское кушанье. Что с них взять, урусы есть урусы.

Сейчас женщины готовили кабыргу*. Запах над аулом стоял одуряющий, со всех сторон к небу поднимались ароматы жареной баранины, варёной конины, благоухание говядины с луком — что только не мог учуять нос голодного человека. Всё это перемешивалось с вонью горящего кизяка, основного топлива в степи. Помёт животных был настолько ценным, что даже старейшины не гнушались подобрать его и сложить в полу своего халата, чтобы принести в стойбище. Обычно этим делом занимались детишки. Кто больше принесёт — тот батыр. А если девочка, то первая красавица.

Старший сын Шах-Будаг-султана, резвый восьмилетний мальчишка по характеру скорее походил на своего грозного деда, чем на отца. Своего первого внука Абулхайр назвал Шахи-Бехт, что означало «Царственное счастье». Мальчик, ещё не научившись хорошо говорить, уже показывал свой строптивый характер. Это безумно радовало деда. Как-то встав на кривоватые ножки и подбоченясь крохотной плёткой, он уставился на одного из приближённых Абулхайрхана и громко, чётко произнёс:

— Не смотри на меня! — ошарашенный бий опешил и шёпотом спросил:

— Почему, лучезарный Шахи-Бехт? Почему мне не дозволено на вас смотреть?

— Мне твои глаза не нравятся! — Так громко и счастливо Абулхайрхан давно не смеялся.

Он мазнул презрительным взглядом по лицу старшего сына и радостно воскликнул:

— Наконец-то я слышу мужскую речь! И от кого — от ребёнка, который полгода назад вылез из бешика! Вот на кого у меня все надежды...

Окружающие до небес стали превозносить грубость неразумного мальчика, что оскорбил седого старика. Но если хану понравились такие слова, то и все остальные должны быть довольны.

Шахи-Бехт после обязательного для правоверных обрезания получил и мусульманское имя — Мухаммед. Это имя он не любил и на него не откликался, лишь строгий окрик деда

заставил поворачивать голову своенравному мальчишке. Он всегда был заводилой свалок, драк, погонь. Когда ему в семь лет подарили коня и настоящую камчу, а не детскую плётку, Шах-Будаг устроил для него детскую байгу*. Обряд «*Ашамайга мингизу*»* проходил в Сыгнаке, где всем заправлял дедушка Шахи-Бехта.

Конь, подаренный сыну, был двухлетним «ферганцем»*, и стоил Шах-Будагу как один большой табун. Мальчик, сев верхом, не сумев дотянуться до стремян, ногами попытался обхватить бока лошади и застыл в восторге. До этого он ездил только на баранах. Те могли на своей спине удержать не только пяти-шестилетнего мальчишку, они и подростка запросто тащили на своей спине. Но одно дело баран, ростом не выше трёх локтей в холке, другое дело не просто конь из отцовского табуна, а настоящий ферганец!

Мальчишка склонился к гриве коня, и звонко крикнул:

— Это мой Лачин! Это самый лучший конь на свете! Только у великого Абулхайрхана, моего дедушки есть такие кони! — он спрыгнул с коня и подбежал к отцу.

— Спасибо, эке*, спасибо за такой подарок! Я вас очень люблю, даже больше и сильнее, чем этого моего Лачина. Если бы не вы, у меня бы не было этого коня. — Затем повернулся в сторону Абулхайрхана. — А если бы не вы, ата*, и не эже*, у меня не было бы такого славного и щедрого отца!

Хан, и все остальные гости, не сводящие с него глаз весело захохотали, стали хлопать себя по ляжкам и вопить во всё горло.

Поклонившись и достав пальцами правой руки до земли, Шахи-Бехт такой же поклон отвесил в сторону деда, а потом в сторону стариков. Никого не забыл. Бабушка насыпала ему на голову горстку пшена, Вот уж этого не следовало делать, хотя по традиции чем больше зёрнышек зацепится на бритой голове с кружком волос на макушке, тем сытнее и богаче будет жизнь у этого мальчика.

Шахи-Бехт яростно затряс головой, пытаясь избавиться от малёхоньких жёлтых зёрнышек, мешавших ему наслаждаться созерцанием коня и новой камчи. Он одновременно старался погладить бок коня, его упругий втянутый живот и ощупать узор искусного плетения гибкой, изумительно изготовленной из сыромятной кожи, плётки.

Мальчик повернулся к родственникам, готовившимся сесть за дастархан. Впервые он о чём-то растерянно задумался и скосил глаза на своего друга Алейке, которому тоже исполнилось семь лет. Но тому подарили лошадь из табуна. Алейке был сыном Бахтияр-султана, двоюродного брата Абулхайрхана и считался вроде бы амаки* Шахи-Бехта. На самом деле мальчишки были молочными братьями, у них была одна кормилица. Глаза мальчика перебежали со стройного Лачина на кургузую, коротконогую, пузатую лошадку друга. Потом они ярко сверкнули: мальчик понял, что надо сказать, а затем сделать!

— Брат Алейке! Когда мы подрастём, то устроим баранту и угоним такого же красивого коня для тебя! Я тебе обещаю, у тебя будет красивый конь! Не хуже моего! — мальчишка довольно гикнул.

Эти слова вызвали новый взрыв хохота со стороны счастливого деда. Но громче всех хохотал его главный батыр Кобланды, вымахавший с кулаш*. Лицо отца вытянулось от неудовольствия — сын не хочет работать и мирно жить, он хочет воевать и отбирать, не думая о том, что сам может потерять голову в одном из набегов на мирные поселения и кочевья. Шах-Будаг в очередной раз промолчал, понимая, что против всех прихвостней и подхалимов своего отца он не пойдёт. Никто ничего в лицо не скажет, но втихомолку перемоют косточки и злословить будут десятки лет.

Рядом с Алейке стоял ещё один мальчик, не похожий ни на него самого, Шахи-Бехта. Не внешностью, все мальчишки были почти одинаковые, раскосые и кривоногие. Поведением. Если Алейке часто смеялся, Шахи-бехт громко кричал по поводу и без него, то этот мальчик чаще всего молчал. Редко улыбался и ещё реже смеялся. Несмотря на то, что ему исполнилось

всего семь лет, почти все окружающие называли его Канбар-бий, с уважительной приставкой. Мальчик был сыном Карачин-бека, а жена бека была кормилицей Шахи-Бехта. Хотя в младенчестве Ак-Кози чаще всего сама кормила своего первенца. Канбар-бий нахмурился на дерзкие слова своего молочного брата и резко выпалил:

— Я бы не стал седлать ворованного коня. И отказался бы от такого подарка. — Все притихли, переводя взгляд с Абулхайрхана на дерзкого ребёнка. Но хан лишь усмехнулся.

— Малыш, ты дерзок не по годам. Посмотрю я, как ты сможешь получить такого коня без баранты. Карачин-бек, ты последи за своим сыном, а то он мне внука своими речами испортит. Тот начнёт разрешение на баранту у соседей спрашивать. — Все облегчённо и преувеличенно громко засмеялись. Шахи-Бехт смешался, изо всех людей он стеснялся лишь Канбар-бия.

С праздника *«ашамайга мингизу»* прошло чуть больше года. Сын Шах-Будаг-султана прибавил в росте целую ладонь. С коня он почти не слезал, носился по степи, иногда не приезжал на ночь к юрте. Потом со смехом рассказывал, что прашей сбил суслика, зажарил его на углях и съел даже с косточками. Ему никто не верил, но спорить было бесполезно. Сверстникам он тут же принимался раздавать тумаки, со старшими был уважительнее, но рот его презрительно кривился, хотя грубые слова и не вылетали наружу.

Нынешняя кочёвка для аула была удачной. Шерсти настригли столько, что десятка два лошадей пришлось из табуна переводить во вьючные. Иначе всей настриженной шерсти было не увезти. Степь ещё не выгорела на летнем солнце и пастбища были тучные, как никогда. Все кайын журты* были довольны, никто не пенял молодому султану на то, что прошлой осенью он не разрешил молодым джигитам напасть на соседний аул в ответ на какую-то непонятную обиду. Молодым лишь бы лошадей угнать да покуражится, о последствиях они мало думают.

Шах-Будаг посматривал на рабынь возле очага и думал, что жена вот уже целую луну не разрешает делить с ней ложе. Бабки нашептали ей, что на последних днях перед родами спать с мужем нежелательно, так и до утех недалеко. Хотя султан в разговорах с братьями и со старшими мужчинами слышал, что даже перед родами они выполняли заветы Пророка о супружеских обязанностях. Но спорить с женой не хотел и сейчас решал, с кем проведёт эту ночь — с Аргын или Саклаб.

Уже в темноте на взмыленном Лачине к очагу примчался Шахи-Бехт с аульными мальчишками. Все они были старше его сына, но слушались не только как сына султана, но и как своего грозного и драчливого предводителя. Как-то Шах-Будаг видел — мальчишки возвращаются из степи с полными корзинами овечьего помёта. За юртами их встречает Шахи-Бехт, у каждого отбирает по трети корзины и складывает навоз в свои. Один мальчишка, старший сын его двоюродного дяди начал сопротивляться, дело для него кончилось плохо — сын не только отобрал у него весь помёт, он избил несчастного, расквасив ему нос.

— Почему ты сам не собираешь навоз, а отбираешь его у своих друзей? — ответ сына удивил и огорчил Шах-Будаг-султана.

— Они мне не друзья, они мои нукеры, подданные и должны платить мне дань. Если не хотят, я их наказываю. Если сейчас их не приучить, они не станут меня слушаться, когда я стану взрослый. — Уверенный в своей непогрешимости, раздражённым голосом ответил сын.

— Но это несправедливо, ты же не собирал этот навоз сам, ты его отобрал!

— Ну и что? Дедушка тоже отбирает то, что ему нравится или нужно. Я всегда так буду делать, иначе меня никто не станет слушаться. — Удивился ребёнок. Так вот кто для него пример!

— Но я так не делаю, и меня слушаются. — Недовольно возразил отец.

— Они вас слушаются, пока это выгодно. Я сам слышал такие разговоры. Я вам не говорил, потому что это похоже на бабские сплетни. Если бы вы сами слышали, тогда другое дело.

Шах-Будаг тогда надолго задумался, но так и не пришёл ни к какому выводу. Он понимал, что сам похож на белую ворону в стае чёрных и злых воронов. Сын видит, что все тащат то, что плохо лежит. Со своими родичами так редко поступают, но не гнушаются прибрать к рукам то, что валяется без присмотра. А вот его первенец, наблюдая за всеми родственниками и друзьями быстро понял, что или ты на коне, или бежишь за этим конём и подбираешь вонючий навоз.

— Ты же знаешь, что после захода солнца все в ауле сидят за дастарханом. Где ты был? Мог бы голодным остаться, если бы не твоя заботливая матушка. Она тебя жалеет. Чтобы с пустым животом не лёг спать, оставила тебе немного кабырги. Очень жирный был барашек, жаль, что ногу сломал, пришлось забить.

— Отец, я сегодня со своими нукерами ездил на восход солнца. В степи мы наткнулись на чужих людей. Они вели себя как хозяева в наших угодьях. Мы с нукерами спрятались за увалом, потом подползли поближе. Эти чужаки не по-нашему разговаривали. И юрты у них какие-то странные. Они такие, как палатки у жатаков. Только больше и накрытые жердями. Какие же они убогие!— Сын с удовольствием выговорил слово, которое часто повторяла Саклаб, ставя их юрту.

Сын часто рассказывал небылицы. Все в ауле привыкли к этому. Иногда откровенные придуманные. Часто смешные нелепицы, временами совсем страшные истории. Такие байки пугали его братишку и глупых рабынь. Время от времени сын до неузнаваемости приукрашивал события. Зачастую выходило, что правды в его рассказе один напёрсток, а вранья на два бактриана. Так и сейчас. Уж слишком ярко в свете костра блестят глаза мальчишки.

— Ну-ну, и что это за шайтаны такие? Может быть, они на кострах младенцев жарили? — это была последняя выдумка, рассказанная Шахи-Бахтом у костра. Рабыни ахали и чуть не плакали, Махмуд захныкал, а сынок после того, как все собирались пойти и наказать неведомых людоедов, весело смеялся.

— Вы мне не верите! Можете спросить у Таймыса и Сырбая, они были со мной. — Друзья сына яростно и утвердительно мотали головами и чуть не плакали.

— Не буду я у них ничего спрашивать. Сколько раз ты подговаривал своих «нукеров» чтобы они пугали твоего братишку и других людей аула? Иди спать.

— Отец, это плохие люди! Мы заметили, что там есть девушки и женщины, одетые в нашу одежду. С ними... — мальчик знал, чем по ночам занимаются взрослые, в кочевье секретов не было. Спрятаться от внимательных глаз любопытных мальчишек было невозможно. — С ними чужие мужчины делали те вещи, какими по ночам все взрослые занимаются.

Незнакомое племя? Незнакомые люди? Чужаки? Бережёного Всевышний и Кок-Тенгре берегут. Надо послать сына и его «нукеров» к мужчинам аула, посоветоваться, вдруг какие-то неведомые враги готовы нагрянуть и ограбить его богатое кочевье?

Глава вторая

Уч-Тымур-тайши уже много дней с удовольствием оглядывался вокруг и хвалил себя самыми лестными словами. Но молча, про себя, лишь изредка улыбаясь затаённым мыслям. Вокруг расстилались богатые земли. Охотиться можно было с утра до вечера, несмотря ни на что джейраны и сайгаки не переводились. Отары, отобранные у жителей местных малочисленных кочевий, жирели на глазах. Разгромленные стойбища дали возможность чуть ли не каждому воину заиметь женщину. Даром, без калыма, выкупа и каких-то обязательств.

После гибели отца, упрямого Эсен-хана, объявившего себя верховным правителем Монголии, ойраты переругались и передрались. Западные ойраты пошли в сторону Моголистана, где было спокойно и под шумок можно было пожить богатыми стадами и бесхозными женщинами. Уч-Тымур-тайши на досуге размышлял, что случилось, если бы отец не полез на монгольский престол и не стал убивать родственников направо и налево. Ему до сих пор было жаль своего молодого зятя Агбарджина, мужа сестры Цеceg, убитого на пиру по приказу отца. Эсен-хан и внука убил бы, несмотря на то, что тот был ещё младенец, да бабушка Самур Гундж с Цеceg спрятали ребёнка.

Уч-Тымур-тайши понимал, что отец всё это делал ради благополучия своих сыновей и единства Монголии, но не думал, что убив младенца можно себя обезопасить на всю оставшуюся жизнь. Молодой тайши понимал, что прав на монгольский трон не было ни у его отца, Эсен-тайши, ни у него самого. Трон наследуют по завещанию Чингизхана только по мужской линии, а не по женской. Род Эсен-тайши был чингизидский именно по женской линии. Так что лучше быть правителем бескрайних богатых степей, чем сдохнуть на пиру у брата или зятя от яда или удара кинжалом на охоте.

Добравшись до реки Чу, разгромив по пути Эсен Буга-хана, моголистанского правителя, погрязшего в междоусобицах со своим родным братом Юнус-ханом, Уч-Тымур-тайши остановился на зимовку в прекрасном месте. Долина Чу была богата непривычным для кочевников Внутренней Монголии растением — коноплём. Из неё получали волокна для верёвок и арканов, ткали одежду и ковры, а из семян давили масло. Такого вкусного густого масла зеленоватого цвета, со сладким ароматом, кочевники-ойраты никогда не пробовали. Подсушенные и жареные крохотные желтоватые семечки стали любимым лакомством для детей.

До глубокой осени женщины вырубали и обрабатывали толстые стволы конопли. Но ранней весной, лишь стало припекать солнышко, так ростки полезли из земли, словно их не изничтожили до последнего кустика. Не зная, смогут ли они вернуться в эту благодатную долину, Уч-Тымур-тайши приказал остаться на месте зимовки одной многочисленной семье. Возводить укрепления не приказывал, но велел следить за ростками конопли, ловить рыбу и вялить так, как научили жители долины. Женщины, захваченные летом у местных вояк и пережившие зиму, все как одна беременные, научили ойратак правильно жарить рыбу.

Молодой тайши только в долине Чу попробовал такую вкусную рыбу. На Байкале и в Иртыше рыбы было много, но её жарили на углях без всяких изысков и съедали без удовольствия, лишь бы заглушить голод. Иногда недожаривали, но чаще всего пережаривали и ели чуть ли не угли. Угощать этой пищей своего гостя никто бы не рискнул. Но местные женщины готовили коктал* на углях с разными овощами и приправами. Они клали на жаровню только крупную рыбу. Но сначала разрезали её по хребту, чистили внутренности, а мясистую часть надрезали ножом. Поэтому мелкие косточки не нужно было без конца выплёвывать и мучиться, чтобы они не застряли в глотке. Такой рыбой и младенцев можно кормить.

Тащить с собой кучу беременных рабынь или женщин с пищащими грудничками туда, где можно набрать молоденьких наложниц, было бы смешным. Никакая баба своего ребёнка

не бросит, даже если он родился от неизвестно которого насильника. Поэтому тайши приказал оставить их всех на берегах Чу. Чтобы не передохли от голода, для двухсот с лишним женщин и нескольких своих безродных одиноких стариков, что уже не могли кочевать, оставили отару в полторы сотни овец с ягнятами. Когда они вернутся осенью на зимовку, все овцы должны быть целы.

— Если не хотите, чтобы я сварил в котле ваших ублюдков, рождённых неизвестно от кого, тогда будите следить за отарой и беречь её пуще глаза.

Женщины, унижаемые больше года грозными захватчиками, потеряли даже малую волю к свободе. Они много работали и каждый, даже неженатый подросток мог завести девушку за шалаш и сделать с ней всё, что ему заблагорассудится. Никто из взрослых не обращал на их шалости внимания. Девушек буквально морили голодом, они вынуждены были драться с собаками за обглоданную кость, но никто не решался убежать от ойратов.

В самом начале нашествия нашлось три смелые девушки, не боящихся степи. Они не готовясь и не думая о последствиях, попробовали сбежать от насильников и убийц их родных. Далеко им уйти не удалось. Хоть и не нужны были эти несчастные никому на свете, но рабыня должна быть послушной и дрожать от одного голоса своего хозяина. Непослушные рабыни вселяют в остальных пленниц дух вольности и свободолюбия. Затравленных и покусанных собаками, истекающих кровью девушек, волоком притащили на стоянку. В центре стойбища врыли в землю грубо обрубленный от сучьев ствол дерева и привязали к нему голых беглянок. Потом каждой отрезали нос и уши, а в промежность воткнули палки. Почти сутки продолжались их мучения, кровь текла по ногам, а мясные мухи откладывали в ранах личинки.

Когда крики и стоны прекратились и мучения беглянок закончились, орда откочевала подальше от места казни. Тела казнённых невольниц смердели долгие недели, пока дикие звери и хищные птицы не отполировали их скелеты до блеска. Эта казнь надолго отбила охоту у кого-то из молодых женщин сбежать от мучителей или послушаться даже малого ребёнка. Со стариками и женщинами, чтобы те не разбежались и не сожрали жирных баранов, тайши оставил Гардя-еска — главу семьи, кривоногого, одноглазого злого старика. С ним вынуждены были задержаться его четверо взрослых сыновей, старшему из которых было далеко за сорок, с двенадцатью женатыми и восьмью ещё холостыми внуками. Они все были довольны. Ни риска потерять жизни, ни тяжёлой работы, да ещё куча молодых женщин. Хоть и порченный товар, зато даровой.

Двадцати пяти мужчин было вполне достаточно, чтобы заставить женщин, хоть и беременных или уже родивших, работать без отдыха. Не будут работать — отбирать еду и не давать кормить младенца, если тот родился. Уч-Тымур-тайши со спокойной душой отправился на весенне-летние грабежи. Он надеялся пройти от реки Чу до среднего течения реки Сейхун, где сгрудились богатые земледельческие зимовья дашкипчаков. Но предварительно пробежаться по летовкам, так упрощённо он называл летние пастбища наглого и богатого Абулхайр-хана, провозгласившего себя ханом Великой степи.

— Слишком много ханов у них здесь развелось. Куда ни плюнь, везде хан. И ходить ногами не хотят, только на лошадях ездят... — злобно бурчал за вечерней едой тайши накануне выступления в очередной набег.

С ним были согласны все старейшины. Они были готовы любому плотку перегрызть за своего молодого предводителя. Ему нет ещё и тридцати лет, а как осмотрительно он водит своих воинов на кочевья этих бездельников. Сколько скота, молодых красивых рабынь и одежды удалось захватить только в Моголистане! И хан моголистанцев сбежал из своей крепости. Не крепость вовсе, а куча глины и мусора. Туда ему и дорога. Нечего своим толстым задом трон протирать. Тоже придумали, сидеть на возвышении, когда все уважаемые люди должны сидеть на одинаковом расстоянии друг от друга вокруг костра. А не кичиться своим происхождением от Чингизхана или чингизидов.

Как до дела дошло, так в Великой степи сразу поняли, что пришёл новый хозяин. Они все попрятались от страха за своими толстыми стенами с крепкими воротами и носа наружу не высовывают. Труссы! Изнеженные труссы! Они даже лицо каждый день водой умывают. А иногда, страшно сказать, моются с головы до ног в горячей бане. Как урусы или потерявшие всякое понятие о мужественности персы или турки.

Уч-Тымур-тайши презирал и тех, и других, и третьих. Все они в своё время лизали пятки его предкам-чингизидам. Крохотная капелька крови великого предка течёт в его жилах. Но не это главное. Всё его существо грезило великими завоеваниями. Неважно, что здесь тоже живут похожие народы. Если его отец не пожалел своих родных и сводных братьев, зачем ему жалеть людей, которые ему не родственники?

В который раз тайши с удовольствием оглядел своё воинство. Испытанных в боях, тех, кто ещё сопровождал его отца, было человек десять. Они смогли избежать уничтожения, а потом вырваться из отвратительной бойни. И это уже хорошо. Они все стали его чинсанами*. Эти старики учили молодых воинов правильно воевать. Правильным было то, чтобы уничтожать всех побеждённых за некоторым исключением. Нельзя оставлять за спиной ни одного мужчины-врага моложе девяти лет и ни одного младенца мужского пола. Младенчик вырастает и становится мужчиной. Тогда жди мести, как это уже не раз было на памяти чинсанов.

С женщинами справиться было намного проще. Приятная женщина годится для утех. Слово «любовь» тайши знал, но не понимал, что оно означает. Он считал, что любить можно своего верного коня, бешбармак, крепкий, трижды перебродивший кумыс, золото и украшения. Можно даже любить своих детей. Но он никогда не был уверен, что все дети, о которых его женщины говорят как о его отпрысках, действительно его дети. Поэтому никогда не привязывался ни к мальчикам, ни к девочкам. Пленницы годились для работы. И опять тайши не думал о том, что есть работа тяжёлая и лёгкая.

Есть работа мужская, а есть женская. Мужская работа — воевать, захватывать добычу, ходить за конём. Иногда, поощряя женщину, жарить мясо на вертеле или сварить куырдак*. Женская работа — всё остальное. Поставить юрту, налепить кизяк, смотреть за детьми, чесать и пряхать шерсть, готовить всю остальную еду, следить за рабынями, чтобы те не ленились и многое-многое другое. Если одна женщина не успевала управляться с делами, то надо было взять ещё одну — для утех. Потому что если женщина целыми днями возится с хозяйством, то по ночам она совсем неинтересная. Не визжит от удовольствия и не стонет от наслаждения, а валяется бесчувственным бревном. Уч-Тымур такие не нравились.

Ойратские женщины на походе мало в чём уступали мужчинам. Могли стрелять из лука, могли рубиться на саблях и пользоваться ножом. Они могли за малое время разделать барашка ничуть не хуже мужчины. Они прекрасно управлялись с конём, верблюдом или ослом. Плену они предпочитали смерть. Это было понятно. Видели, что делают с женщинами победители.

Вчера его старшие сыновья прибежали и наперебой стали кричать, что за увалом, по ходу движения орды они заметили следы незнакомого огромного коня.

— Если, у этого коня такие большие копыта, как вы говорите, то он наверное выше солнца. — Посмеялся Уч-Тымур.

Старший сын насупился, вынул из-за пазухи сухую ветку караганы, обломанную с двух сторон и положил перед отцом на дастархан. Тайши недоверчиво повертел обломок в руках, потом мотнул головой в сторону своего коня. Сын кинулся с веткой к коню и поставил его копыто на щепку. Она на два пальца выглядывала из-под конской ноги.

У ойратов были монгольские лошади, других они если и видели, то свою лошадь ни на какую другую никогда бы не променяли. Эти лошади были выносливы и преданы своему хозяину как собаки. Они даже отличали хозяина по тому, как тот свистит и подзывает к себе. Если у лошадей были клички, то они были большой редкостью, так как каждый воин вёл за собой до десятка лошадей. Если одна погибала или была ранена, он пересаживался на другую. Охро-

мевшую кобылу забивали и с удовольствием съедали. Ойраты никогда не подковывали своих лошадей и не знали, для чего это надо делать. Зачем тратить дорогое железо на подковы, если за тобой бежит табун?

Уч-Тымур нахмурился. Он знал, что не всегда у большой лошади крупные копыта. Бывали совсем маленькие лошадки с массивными ногами и мощными копытами. Он задумался. Сыновья молчали, ожидая, чем закончится их первая вылазка в этом набеге. Старший мальчик, восьмилетний Шургчи упрямо продолжал стоять рядом с дастарханом. Позади него столпились его братья и друзья. Их было десятка два. Тайши почти не различал всех этих мальчишек, одинаково вонючих и грязных. Хотя и сам не был чистым, но эти дети воняли особенно отвратительно. У него было подозрение, что они не снимают штанов, когда хотят помочиться.

— Что вы там ещё увидели? — изображая равнодушие, спросил обеспокоенный мужчина.

— Отец, мы заметили, что там было несколько коней, потому что следов много и они принадлежат разным лошадям. Старый Цецен учил нас различать следы даже на сухой земле. Они все были на другой стороне увала. А наверху, на пригорке трава примята. Там кто-то долго сидел, наверное прятался. Они следили за нашей стоянкой.

От берега Чу ойратская орда отошла на десять дней конного пути. Зная персидские меры длины, тайши предполагал, что это чуть больше восьмидесяти фарсагов. Считал Уч-Тымур хорошо. Часто ему приходилось делить добычу. Всегда при делёжке были недовольные. Поэтому зная счёт, он легко затыкал глотки недовольным. По дороге им удалось захватить несколько стоянок, так что мужчины были довольны, а женщины сыты. Появилось много молоденьких рабынь. Но их тоже пришлось учить, некоторые хотели сбежать. Далеко не ушли. Степь гладкая до горизонта, как латунный поднос, найденный в одной из богатых юрт.

— Что вы сделали дальше?

— Сначала мы хотели погнаться за теми людьми, что следили за нашей кочёвкой, но потом решили... Я решил, что нужно обо всём рассказать вам и старейшинам. — Увидев злобную ухмылку отца, Шургчи испугался, но решил сказать правду. — Осторожность не трусость, если бы там были взрослые воины, нас бы убили и вас бы никто не предупредил об опасности.

— Ваши никчёмные мёртвые тела предупредили бы нас. — Все мальчишки, как один втянули головы в плечи. Но никто не заскулил, прося пощады. — Я подумаю, как вас наказать.

Они надоели тайши. Он не собирался наказывать мальчишек, но в следующий раз пусть думают, что если полезли в какое-то непонятное дело, то надо доводить его до конца. Взмахом плётки он отпустил ребят, и тут же забыл о них. Он пинком прогнал от себя молоденькую девчонку, которая старательно чесала ему ноги. Её захватили только вчера. Удивительно, но по её словам она была замужем. Мужа она не видела среди убитых, значит, успел сбежать в круговерти боя. Девчонка не сильно сопротивлялась и понравилась тайши своим молодым, гладким телом.

— Скажи всем, что ты моя рабыня. Чтобы никто тебя не трогал. Иди к моей старшей жене Агуе и скажи, чтобы дала тебе работу попроще. — Мужчина понял, что жители стойбища, куда они направляются, будут предупреждены о приближающихся чужаках. Ну что ж. Тем лучше. Некоторые молодые воины совсем потеряли осторожность.

Немного позже он оповестил своих чинсанов, что впереди их ждёт богатая добыча, но взять её будет не так-то просто.

Шах-Будаг-султан переговорил со своими старейшинами и строго наказал, чтобы все арбы и повозки поставили вокруг стойбища на кипчакский манер. Пробраться сквозь строй повозок нападавшие никогда не могли, таким образом кипчаки спасались от врагов. Никто не хотел торчать возле высоченных повозок, из-за бортов которых вылетают стрелы. Хороший лучник из составного лука может уложить бездоспешного воина на расстоянии в тысячу лок-

тей. Таких в окружении султана было достаточно. Он долго думал, что делать с женой и сыновьями. Поздно вечером, когда солнце давно спряталось за горизонт и Великую степь освещали лишь крупные звёзды, султан ещё раз допросил сына. Шахи-Бехт отвечал уверенно, только иногда путался. Но так всегда бывает, когда на что-то не обращаешь внимания и безуспешно пытаешься вспомнить какую-то мелочь.

Наконец под утро, когда звёзды начали бледнеть и край неба на востоке порозовел, Шах-Будаг решился. Он разбудил спящую рядом Саклаб и приказал:

— Оседлай Лачина Шахи-Бехта. И ещё семь лошадей. Да побыстрей. Но сначала позови госпожу. Нет, я сам к ней пойду.

На джайляу никто не спал в юрте. Жена с детьми спала по одну сторону юрты, рабыни по другую. Позади юрты на расстоянии шагов двадцати можно было гадить. Если кто-то снимал штаны ближе, мог нарваться на хлёсткий удар камчи.

— Хозяйка! Ак-Кози, проснись, сердце моё! — жена тут же зашевелилась, перекатилась на спину, выставив к небу круглый живот. — Если сегодня я увижу опасность для вас, то вы немедленно садитесь в сёдла и скачете что есть духа в сторону Сыгнака. Саклаб седлает коней, а ты собери драгоценности. Тряпки не бери, не нужны они тебе. Скажи Шахи-Бехту, чтобы еды собрал на три дня для пяти человек. И за братом последил...

Мальчишка давно не спал. Он сердито сверкнул глазами и строптиво проворчал:

— Отец, я никуда не поеду! Я с тобой останусь. Я воевать буду!

— Султан! Твоя работа будет тяжелее моей. Ты должен защитить мать и братишку. И того ребёнка, что родится. Хочешь — оставайся. Но тогда они погибнут вместе с тобой. Табуны вчера отогнали в сторону Сыгнака, не знаю, сколько их доберётся до дома. Они будут идти по степи, путая след. Не думаю, что вы их догоните. Да и не следует этого делать. Враги кинутся за множеством следов, а не за малым табуном. Отары быстро бежать не могут, я их приказал отогнать, но не на юг, а на север. Если через три дня после вашего приезда в Сыгнал вестей не будет, то молитесь за меня и за всех остальных Всевышнему и Кок-Тенгре.

Впервые отец назвал своего сына султаном, словно сам уже умер. И впервые в жизни мальчишка не стал спорить и пререкаться. На его плечи опустился весь страшный мир, который будет с ним всю жизнь, полную битв, потерь, предательства, обмана и многочисленных смертей друзей и врагов.

Солнце поднялось над горизонтом на две ладони. Далеко на востоке, там, где небо касается земли, появилась тёмная полоса. Она простиралась от края и до края широкой степи. Постепенно увеличиваясь и становясь крупнее, стали различаться лошади и всадники на них. Двигались они так быстро, что не успеет солнце дойти до полудня, как вся эта туча будет возле стойбища.

Шах-Будаг кивнул жене и махнул рукой. Он поступил так, как считал нужным. В стойбище остались его родственники, многочисленные племянники и племянницы, старейшины и дети. Для некоторых из них он придумал другое спасение. А сейчас на глазах у всех его семья спасётся постыдным бегством. Султан не думал о стыде или предательстве всех остальных людей. Он и о себе не думал. Он надеялся, что его женщина и сыновья будут в безопасности.

Все смотрели на восток, никто не смотрел на юг. В узкий проход между двумя арбами протиснулись кони, небольшая группа пустилась наутёк. Первым на Лачине скакал Шахи-Бехт. Позади него, держась за пояс, сидел пятилетний Махмуд, младший братишка. Сзади на коротконогой лошадке двигалась их мать, Ак-Кози. Ей было тяжело, мешал живот. Она с ужасом думала, что за три дня пути растрясёт ребёнка. Хорошо, если здоровый родится, но она может и скинуть его до времени.

Немного в отдалении двигался один из нукеров Шах-Будага, раб с младенчества, представленный к султану ещё в детстве. У того никогда не было жены и детей. Султан называл его Урус. Не потому, что тот был славянских кровей, просто этот раб был немного светлее смуг-

лых, и даже тёмных кочевников. Рядом с ним скакала Саклаб. Она не выпалась, но хорошо понимала, как ей везёт в жизни. А всё потому, что она молится христианскому богу, которого едва помнит, Аллаху и Кок-Тенгре. Первый раз повезло, когда госпожа прекратила её страдания от бесконечного насилия и выкупила бесполезный кусок мяса. Второй раз, когда Шах-Будаг заметил её и приказал явиться на своё ложе. Она так хотела забеременеть, но видимо что-то случилось с её телом и оно не отзывалось на его обильное семя.

Третий раз повезло сейчас, когда султан отослал её со своей женой и сыновьями к грозному Абулхайрхану. В степи не так страшно, как в стойбище, на которое нападают неведомые враги. Она вчера слышала бесконечные разговоры о нападении. Но никто не боялся, все надеялись, что за повозками им ничего не угрожает, и ни одна стрела их не пронзит. Саклаб думала иначе. Если бы не было опасности, господин беременную жену через всю Великую степь в неизвестность не послал. И сыновьями не стал бы разбрасываться. Её сердце слегка сжалось от предчувствия неминуемой беды и гибели тех людей, с которыми она худо-бедно прожила бок о бок восемь зим. Считать она научилась от султана, тот на пальцах показал ей, что на ладошке есть пальцы, и их можно сосчитать. Всего пальцев на руках и на ногах двадцать, господин даже каждый палец называл по-особому. Саклаб это стало в новинку, да запомнить смешные названия было совсем просто.

Не то, чтобы он учил её чему-то, ему было скучно, говорить об овцах и лошадях не хотелось, вот и научил считать. Саклаб в прошлой жизни звали Гасавой, и она хорошо запомнила то, что султан говорил. Она и Аргун это рассказала. Но та отмахнулась — ей господин тоже говорил про числа, но она не удосужилась запомнить ни одного. А когда султан в очередной раз делил с ней ложе и спросил про цифры, она ничего не смогла ответить и только хихикала, словно от щекотки. Хозяин вроде был недоволен.

Небольшая группа в намет летела прочь от аула. Долго лошади не могут выдержать эту бешеную скачку, Полфарсага, не больше. Это слово Саклаб тоже узнала от господина, и быстро поняла, что это три версты. Она так радовалась, что он не только развлекается с ней, но и разговаривает. И никому из мужчин селения не разрешает их с Аргуном трогать. Очень хороший господин, добрый и ласковый. Только никогда её не целует.

Саклаб внимательно смотрела на удалявшегося Лачина. Несмотря на незначительный возраст Шахи-Бехта, девушка его боялась. Пугалась страшных историй, опасалась злых глаз и резкого, недетского голоса. Но больше всего она остерегалась Абулхайрхана, к которому они направлялись. Что там будет с ней и с Урусом? Не понадобятся они, продадут на торжище и что будет дальше одному Кок-Тенгри ведомо. Оба понимали, что если не доведут беременную женщину и мальчишек до их деда, то закончится их жизнь в страшных мучениях. Про такие говорят — «смерть стала для него спасением». Поэтому Саклаб и не спускала глаз с Лачина, попутно успевая поглядывать на госпожу и Уруса. Назад никто не оглядывался. Нечего богов гневить, захотят они, отведут беду. И так они расщедрились выше самой высокой меры.

Шахи-Бехт кроме степи ничего не видел. Он не плакал, хотя хорошо понимал, что отца больше не увидит. Слишком много врагов двигалось к их стоянке. Братишка крепко держался за его пояс и едва слышно поскуливал. Будет смена лошадей, надо будет треснуть его по спине, чтобы вёл себя как мужчина. Мальчик беспокоился за мать, но привык к тому, что женщины не самое главное в жизни. Сколько он себя помнил, он всегда с почтением относился к отцу и с благоговением к дедушке Абулхайрхану. Мать была слишком доброй, ласковой, заботилась о его еде и одежде, но мешала становиться воином. Эта женщина всё время ахала от страха за его жизнь. Он не подъябочник, он сильный воин, а эти бабы вечно путаются под ногами.

Зная, что Саклаб и Урус скачут последними, он надеялся, что за ними в погоню никто не кинется, пока не разорят становище. А до него ещё добраться надо. Шахи-Бехт видел повозки, плотной стеной опоясавшие стойбища и надеялся, что эта преграда хотя бы ненадолго задержит

врагов. Возле костра, сидя вечерами за спинами мужчин и старейшин в первом ряду мальчишек, Шахи-Бехт всегда очень внимательно слушал их рассказы о битвах. О нападениях, обороне стойбища, погонях и дележе добычи. Не всегда он сочинял глупые истории, чаще всего они нужны ему были для того, чтобы проверить, глупый человек или умный стоит рядом с ним.

Аргун была глупая, Саклаб немного умнее. Она так же ахала, как все остальные, всплёскивала руками, но мальчик замечал недоверчивый блеск её глаз и ехидную складочку возле губ. Маленький Махмуд был слишком мал, чтобы не верить старшему брату, поэтому и хныкал от страха. Разговоры возле костра тоже не всегда были правдивы. Шахи-Бехт видел, как косятся на некоторых воинов старики, кричат, и иногда обрывают хвостуна и задиру. А то, что все так же относились к его отцу, приводило мальчика в бешенство. Он был уверен, что никогда в жизни не будет трусом, и не верил, что его отец трус. Быть осторожным человеком не означает быть трусом.

Если бы отец боялся врагов, то ночью бросил бы всех своих родичей и отправился с семьёй к Абулхайрхану. Но неизвестно, как бы дед встретил труса, бежавшего от напавших неведомых врагов.

Отъехав на три фарсага от стойбища, Шахи-Бехт решил сменить лошадей. Каждая из них везла перемётные сумы. В них мальчик напихал всего, что можно было отыскать в полутьме начинающегося утра: вяленого мяса, два круга иримшика*, три казы*, несколько шельпеков* и четыре бурдюка с кумысом. Искать воду в степи не будет времени. Хотя на пути два-три колодца они должны встретить. За пазуху Махмуду сунул несколько шариков курта. Ко времени привала Махмуд притих и самозабвенно грыз кусочек курта. Соскочив с коня, Мальчик весело оглядел своё невеликое воинство, задержав взгляд на матери, потом озорно свистнул, подзывая выючную лошадь с припасами, и приказал Саклаб:

— Быстро дастархан, времени у нас лишь на то, чтобы лошадей перепрячь, да госпожа должна немного отдышаться. Потом опять на коней, но уже не в галоп, а рысью и шагом. Если лошадей загоним, то нас пешие или хромые догонят.

Урус ни слова не говоря, начал перепрягать лошадей. Сёдла у кочевников были высокие, даже если захочешь, с лошади не свалишься. Спереди и сзади оно поднималось на две ладони. Ак-Кози было особенно неудобно сидеть в таком седле, живот поднимался к груди и невыносимо болел. Она неловко сползла с лошади и с помощью Саклаб легла на расстеленный кусок кошмы, вытянула ноги и затихла. Она ничего не съела, однако попила кумыса прямо из бурдюка. Не до китайских церемоний, надо торопиться.

Махмуд присел рядом с матерью и потёрся об её руку, прося обычной ласки. Шахи-Бехт прикрикнул:

— Ты чего скулил, сидя за моей спиной? Тебя что, уже поймали и в казан сунули? Ты мужчина или слабосильный младенец?

Мужчина пяти лет от роду сжался в комок — обычно за грозными словами, сказанными грубым голосом следовал тяжеленный подзатыльник, несмотря на то, что рядом находились взрослые. Старший брат отвешивал тумачи с лёгкостью зимней выюги и с неизбежностью восхода солнца на востоке. На этот раз удара не последовало, но суровый тон брата и неодобрительный взгляд матери слегка подбодрили малыша. Он не один, рядом мать и брат, они не отдадут его в руки адовой нечисти. Он ещё не понимал, что это только первое в его жизни испытание и впереди их будет неисчислимое множество.

Глава третья

Уч-Тымур-тайши был недоволен. Но ругал не себя, что не послушал вчера старшего сына. Проклинал своих чинсанов. Не смогли обложить стоянку плотным кольцом нукеров, поэтому половина людей утекли сквозь широкие щели в осаде. Ладно бы утекли старики, которые никому не нужны. Утекли молодые красавицы и крепкие подростки. Их за воинов никто не считает, но когда это семя подрастёт, пощады от него не жди. Сбежали они не с пустыми руками, с навьюченными лошадьми. Понятно, что не шерсть была во व्यюках, а кое-что подо-роже. Но теперь этого не узнать. Их след давно простыл в Великой степи.

Когда с дикими криками его воинство приблизилось к непонятной стоянке, тайши уви-дел не беззащитные юрты, а ошетилившиеся пиками арбы, покрытые серым войлоком. В нём застревали не только стрелы, увязали и сабли. Говорить о копьях даже не стоило. Близо подо-браться к юртам, видневшимся за повозками, было невозможно. Молодому тайши как-то при-ходилось слышать глупое выражение — «дождь из стрел». Мало того, что дождь был редким явлением в Западной Монголии, видеть множество летящих навстречу его воинству стрел ему никогда не доводилось.

Четверть, если не треть воинов были убиты или ранены. Стрела, застрявшая в теле, при-водила к нагноению. Тайши поморщился. Он по совету Цецена понюхал наконечник и злобно сплюнул — тот был обильно смазан дерьмом, то ли человеческим, то ли собачьим. Попади такая стрела в живот и поминай как звали. Да что в живот! Хоть в руку, хоть в ногу. Дерьмо оно и есть дерьмо! Те, кого достали эти вонючие стрелы, вряд ли выживут.

Поэтому не получилось обложить аул со всех сторон. Привыкли его воины к лёгким побе-дам, привыкли получать жирное мясо на большом лягане. Радовались, когда на каждого воина приходилась молодая пленница. Чуть не пели, видя тучные отары, многочисленные табуны и юрты, полные всякого добра. Теперь некоторые злобно косятся на него, недобро усмехаясь в жидкие усы...

Не предупредил, не подготовил, не наставил! А чего их наставлять, сами не маленькие, не меньше четырёхсот фарсагов прошли вместе с ним, всякое бывало. Но такой жалкой победы и таких унылых трофеев не было никогда. Они впервые увидели стену из повозок. Когда солнце победы стало клониться в сторону ойратов, то из селения с западной и южной стороны выска-чило несколько небольших групп верховых. Этого никто не ожидал, все его нукеры предвку-шали запах жареной баранины и податливые тела молодых пленниц. Почти никто не бросился в погоню. Зачем скакать за двумя — тремя девчонками, когда в селении их не меньше сотни.

По зрелому размышлению тайши погоня бы ни к чему не привела. Они до света сели на лошадей и сменяя их в пути несколько раз мчались, не снижая скорости. Лошади у ойратов были уставшие, беглецы очень скоро скрылись с глаз преследователей, оставив их глотать степ-ную пыль. После этого его воины озлобились и наконец-то подошли вплотную к юртам. Стрелы у защитников кончились, захватчики и защитники, побежденные и победители, сошлись вру-копашную. Здесь преимущество было на стороне орды Уч-Тымур-тайши. Когда защитники аула поняли, что проиграли сражение, они сами бросались на копья и умирали на них. Те, кто не мог уже поднять саблю, падал под ноги коней, стремясь закончить жизнь, не визжа от бес-конечной боли сдаваемой кожи, а от удара жёсткого копыта ойратского коня.

Женщин в стойбище было на удивление мало, да и те израненные, истекающие кровью старухи. Их распущенные седые волосы развевались на летнем ветру белыми полотнищами нестигаемого духа, не давая захватчикам насладиться победой в полной мере.

Победители долго искали старейшин селения и бия. Но не нашли. Каждый мужчина, что ещё не умер и не ещё впал в беспамятство от тяжёлых ран, твердил, что именно он Шах-Будаг-

султан, и за смерть сына, его отец, Абулхайрхан, жестоко отомстит захватчикам. Уч-Тымур-тайши мести изнеженного дашти-кипчакского правителя не боялся. Был бы тот ханом, давно вылез из своего Сыгнака на честный бой. Уч-Тымур уже второй год гуляет по его землям, а тот и не шевелится. У тайши не было желания называть этого недоумка ханом, выше бия или просто старейшины тот в глазах сына Эсен-хана не поднимался.

Всех ещё шевелящихся людей воины Уч-Тымура стащили в одну кучу, а сами кинулись искать богатства захваченного поселения. Каково же было их изумление и беспредельная злость, когда ни отар, ни табунов они не обнаружили. В юртах были хорошие, даже ценные вещи, но они были очень крупные — ковры, паласы, кошмы. Делить на всех такие ковры невозможно, а резать на части жалко. Но ни золота, ни украшений, ни шёлковых платьев и бархатной одежды захватчики не нашли. Злость их росла по мере того, как завершался разгром очередной юрты. Вопли и проклятья стояли над стойбищем густым столбом, более плотным, чем дым от лесного пожара или выгорающей степи.

Тайши решил закончить всё это костром. Всё, чего не было жаль и что могло гореть стащили в центр аула и подожгли, обливая маслом. Туда же стали мерно швырять ещё живых воинов, женщин и даже детей, невзирая на то, девочка это или мальчик. Никто из воинов не стал насиловать раненых старух. Для утех у них ещё оставались молодые девушки из селений, захваченных несколько дней назад. Уч-Тымуру не удалось узнать, кто же из мужчин был Шах-Будаг-султаном. Да ему и не хотелось это знать. Но он твёрдо верил — не пройдёт и дня, как он повернёт морду своего коня в сторону Сыгнака и накажет строптивого бия этого паршивого городишки.

Сидя за арбами, окружавшими селения, чтобы не вдыхать смрад от сгорающих заживо тел, Уч-Тымур приказал привести Шургчи. Вслед за ним притащилась Агус, его старшая жену и мать мальчишки. Тайши скривился. Если бы пришёл какой-то воин без его зова и позволения, он бы приказал отогнать его плётками, но женщина... Тем более мать первенца. Можно только кривиться и плевать. Потом он её накажет. Но сейчас надо что-то делать с Шургчи. Бить его нельзя, сам тайши виноват, что не прислушался с должным вниманием к словам мальчишек. Но и хвалить не за что — не проследили до конца за лазутчиками, вот и нахлебались сегодня бульона от сваренных яиц. Жиденькое получилось варево, невкусное.

— Теперь ты видишь, собачье отродье, к чему привело твоё неумение и недомыслие? Ты мог послать трёх-четырёх человек за лазутчиками, а сам вернулся в стойбище с известием о врагах. А ещё лучше сам бы проследил и доехал до их стоянки. Воины недовольны и они ещё не знают, что ты во всём виноват. — Так быстро и с лёгким сердцем тайши свалил всю вину на мальчишку, что сам порадовался.

Он не собирался обвинять своего сына перед воинами, но и брать на себя ответственность на неудачное нападение не собирался. Всегда есть тот, на кого можно свалить собственное недомыслие. А если нет человека, можно свалить неудачу на северный ветер, на тусклое солнце, многодневный осенний дождь, зимний глубокий снег или что-то другое. А уж если и стихия не помогала выкрутиться из неловкого положения, всегда есть вредные, злые духи, что мешают его гениальным замыслам. Это не было изобретением Уч-Тымура. Так делали все, а его отец чаще других.

Шургчи стоял перед отцом, не поднимая головы. Он видел убитых отцов своих друзей и клял себя самыми страшными проклятиями. Из-за него, его трусости погибли все эти люди. Теперь он был уверен, что не предусмотрительность, а трусость привели к такому трагическому концу. Его друзья навсегда изгонят его из своего круга и будут плевать ему вслед. Несмотря на то, что он был мал, мальчик знал, что повернуть время вспять нельзя. Надеялся на то, что кто-то забудет его проступок, невозможно. Но тут подала голос его мать, Агус, из уйгурского племени, дочь чингизида Кучу от наложницы. В преданиях ойратов не сохранилось известий

об этой женщине, но жена Уч-Тымура, ширококостная и массивная женщина гордилась своим чингизидством, словно драгоценной короной на голове.

— При Шургчи я не буду говорить, кто виноват в неудаче. Все это знают. Виноват в ней тот, кто вовремя не спохватился и не пустил смелых, сильных багадуров по следам соглядатаев. Кто прилип к подолу полонянки и сутками чесал свой блуд без конца и края? Чем провинился твой наследник, что ты валишь вину на него? — Уч-Тымур даже не взглянул в сторону жены и не ответил ей. Обратился к сыну.

— Никогда не слушай женщин. У них волосы длинные, а мысли короткие, как мышинные какашки. Они думают, что умнее всех, потому что они рожают нас. Твоя мать родилась от чингизидова семени, все её предки до оглана Кучу гордятся этим сверх меры. Если бы не женская способность рожать, то можно было обойтись без них. Мужчины могут удовлетворить себя сами. Или друг друга... Но сейчас не об этом. Ты виноват, но наказывать тебя я не стану. Достаточно смертей и боли. Люди устали от крови. — Он повернул плоское раскосое лицо с жиденькой бородёнкой и обвислыми усами в сторону жены. — Никогда не лезь в мужские дела. Ты плохо воспитала сына, теперь мне тяжело с ним приходится. Остальных мальчиков стану забирать от тебя в шесть лет. Пошла вон! — втянув голову в плечи, женщина медленно развернулась и пошла в сторону своей юрты.

— Отец, я виноват и нет мне прощения. Сейчас я оседлаю лошадь и поскачу туда, куда скрылась самая большая кучка беглецов. Пусть они меня убьют на радость шакалам и стервятникам. — Ровным голосом сказал мальчишка, увидя, что мать ушла от костра. Он даже не посмотрел ей вслед, хотя лишь она защищала его от грозного отца.

— Трижды дурак! Ты должен был все мои обвинения отрицать, кричать, что ты всё сделал правильно и ни в чём не виноват. Виноват любой, кто угодно, только не ты... За какие грехи у меня такой глупый сын? Никогда, слышишь, никогда не признавай своей вины!

— Матушка говорит...

— Тогда иди к бабскому костру, надевай юбку и слушай их, дур долгогривых!

— Я всё понял! Отец, но те убитые?...

— Это сражение. Или ты убил, или тебя подстрелили. Третьего нет. Это та истина, которая будет сопровождать тебя всю жизнь. А теперь иди и найди виновного среди своих друзей. Нет, друзей у тебя быть не может. Ты сын тайши. Среди своих подчинённых.

Отойдя от костра и невольно вдыхая отвратительную вонь горелого мяса, слыша последние задущенные вопли сторающий людей, мальчик понуро пошёл от костра. Не понимая, чего от него хочет отец, он смутно догадывался, что тот неправ. Кто из друзей Шургчи виноват в неудачном нападении? Никто. Они все были с ним рядом в той неудачной вылазке. Едва сдерживает слёзы друг Хату, его отец погиб. Вон его мать стоит на коленях с распущенными волосами и воет дикой волчицей. Рядом с Хату его братишка и маленькая сестрёнка Улан. Она совсем маленькая, но действительно красивая. Теперь им будет непросто. Самый старший в семье теперь их дед, противный Арзгир. Он заставит мать Хату выйти замуж за своего младшего сына.

Немного поодаль коротконогий Буйнта помогает своему отцу, раненому в грудь. Хорошо, что стрела прошла навылет и, судя по всему, если сразу не убила, то мужчина выживет. Именно Буйнта хотел пуститься в погоню, но Шургчи не хотел рисковать. Он часто слышал поговорку своей матери Агус — *«Осторожность — не трусость, гордыня и спесь — глупость»*. Но если отец говорит, что женщины глупые, почему тогда у него так много жён и после каждого набега у него новая наложница? Правда, он с ними не разговаривает! Но для чего-то женщины нужны? Не только для того, чтобы пыхтеть на ней? Непонятно.

Отойдя подальше от горящих родичей и друзей, Шургчи решил — «Я не буду делать, как отец приказывает, но буду говорить, что делаю так». Обойдя вокруг разорённого стойбища, мальчик заметил, что ни одной новой пленницы нет. Значит, мать не будет плакать, слыша

сладострастные стоны отца, утешающегося с молодой рабыней. Он отошёл немного подальше, на триста-четыре локтей и начал внимательно вглядываться в следы на земле. Их было множество. Отошёл ещё на двести локтей. Снова сделал круг. Следов было меньше, но всё равно трава была вытоптана копытами ойратских лошадок.

Ещё двести локтей и ещё один круг. Удача! Следов стало намного меньше. Вот отсюда прискакали они — множество неподкованных лошадей с небольшими копытами. Чуть к северу старые, двух- или трёхдневные следы небольших овечьих раздвоенных копыт. Огромная отара вытоптала широкую дорогу локтей в сорок. Шургчи вернулся в стойбище, влез на первую осёдланную лошадь, крикнул какого-то нукера и поскакал к обнаруженной дороге. Проскакав не меньше фарсага, они поняли, что отара разделилась на три части и овцы побрели в разные стороны, но в основном на север, туда, где было больше кормов и воды.

Мальчик был доволен. Он скажет отцу, куда делось основное богатство разгромленного селения. Но тут его охватили сомнения. Овцы это хорошо, но есть ещё лошади и несколько кучек беглецов с золотом и богатыми одеждами. Надо повернуть на запад и сделать большой круг на расстоянии фарсага от селения.

Уже стемнело, когда голодный и усталый Шургчи с болтливым Илу вернулись к разгромленному стойбищу. Всю долгую дорогу, пока мальчик разглядывал следы и думал о том, кто бы мог проехать по степи в этом месте, худой, высокий и весёлый ойрат рассказывал мальчишке очень взрослые истории про женщин, сражения и многое другое. Ему ни разу в жизни не довелось разговаривать с кем-то из рода тайши или старейшин. Илу торчал за спинами других, боясь выходить в сражении в первые ряды. И только когда он выпивал три-четыре большие чаши трижды перебродившего кумыса, он становился смелее барса и хитрее лисицы. Но этого никто не замечал. Поэтому Илу начинал драться. Хотя драться он тоже не умел.

Чаще всего от его глупых слов страдали только его бока и голова. Но иногда парень понимал, что драться в это время нехорошо и начинал колотить правой, нужной рукой по жердям палатки или стучал кулаком по казану или дастархану. Рука потом болела неделю, а то и две, а все окружающие, зная его глупые повадки, смеялись:

— Илу, ты кого на этот раз убил? Казан Исена или шатёр Зияна? Что, ни того ни этого? У нас появился новый враг, и ты его смело поколотил? Тоже нет? Кому не повезло встретиться с тобой, ты же самый смелый и самый великий воин среди ойратов! Куда всем нам до тебя! — Хохот раздавался со всех сторон.

Жены у Илу не было, старшие братья лупцевали его за глупость и заносчивость и за то, что окружающие за кампанию смеялись и над ними. Поэтому найдя свободные уши, пусть и уши ребёнка, но сына тайши, Илу говорил не переставая. Мальчик когда-то слышал сплети про Илу, что тот хвастун и драчун. Слегка побаиваясь, что тот начнёт драться, Шургчи приготовил камчу, но трижды перебродившего кумыса рядом не было, поэтому его спутник ограничивался лишь хвастовством. Несмотря на эти свои недостатки, парень был неплохим следопытом и сообразительным воином. Он заметил, что строго на юг пролегают следы совсем небольшой группы, в восемь лошадей. Среди них конь с огромными копытами.

Спрыгнув с коня, Шургчи узнал эту лошадь. Нет, не её внешний вид, он никогда её не видел. Узнал её подковы и ширину копыта. Так вот куда удрал неведомый соглядатай. А может быть это и есть Шах-Будаг-султан? Поэтому отцу и не удалось отыскать бия этого селения? Тот сбежал как последний трус! Сейчас они завершат полный круг и вернуться в аул. Мальчику не хотелось больше краснеть за свою незавершённую работу и получать незаслуженные упрёки.

Табун они тоже отыскиали. Его следы шли почти в ту же сторону, но кони прошли на сутки раньше, чем небольшая группа лошадей. Их следы нигде не пересекались, значит шли в одну сторону, но не знали друг о друге. Мальчик посмотрел на солнце, клонящееся к закату, на уставших лошадей и притихшего Илу. Тот наконец-то понял, чем занимается сын тайши — не просто скачет по степи в угоду своей дурости и слушает его сплетни, он занят мужским

делом. Выискивает следы сбежавшего богатства. Ойрат с уважением поглядывал на худого, но рослого мальчишку, не побоявшегося отъехать достаточно далеко ото всех, пусть с соплеменником, но почти незнакомым. Смелый у тайши сын. И нисколько не заносчивый. А то, что неразговорчивый, так мальчишка следы искал, не до болтовни ему было. За такой подвиг, что нашли отару и табун, да и остальных беглецов, Уч-Тымур и наградить может.

Тайши недоволено грыз кости молодого барашка из захваченной неделю назад отары. Барашек был вкусный, косточки мягкие, хрустели на зубах, словно диковинный сахар. Его как-то Уч-Тымур попробовал, но не полюбил. Мёд ему нравился намного больше. Но сильнее всего ему нравилось вино. Кумыс это привычно, но неудобно. От кумыса его всегда тянуло за юрту и громко бурчало в животе. Вино было сладким, вкусным и опьянение приходило намного раньше, чем от кислого кумыса. Оно было лёгким, благородным и невесомым. Наутро не болела голова, тайши чувствовал себя палваном*, на плечах которого лежит небесный свод.

В самой большой юрте были обнаружено десятки бурдюков с вином. Тайши удивился: мусульмане не должны пить вино, Аллах не велит. Но находке порадовался. Когда опьянение достигло благородного очертания, появился Шургчи с каким-то долговязым молодым ойратом. Сквозь лёгкий туман Уч-Тымур понял, что его мелкий недоумок отыскал следы отары, табуна и того огромного коня. Так вот куда делся Шах-Будаг! Сбежал, трус несчастный! Какой же он жалкий! Совсем, как его отец Абулхайрхан!

Когда показались стены Сыгнака, мать из последних сил удерживалась в седле. Её тело сотрясала судорога. Но это так думал Шахи-Бехт. На самом деле у Ак-Кози начались предродовые схватки. Саклаб ехала теперь не позади маленькой группы, а рядом с госпожой и с тревогой вглядывалась в её искажённое гримасой боли лицо — а вдруг госпожа не доедет до города и начнёт рожать в степи? Сама девушка несколько раз помогала при родах и знала, что делать. Но Ак-Кози растрясло в дороге, и чем закончатся роды, неизвестно.

Возле открытых ворот города их встретили воины грозного деда Абулхайрхана. Некоторые узнали внука правителя, многие помнили его сноху Ак-Кози. Нукеры косились на светлых спутников маленьких султанов. Никак беда приключилась, если беременная женщина верхом по степи скачет. Шахи-Бехт, не боясь, как на это посмотрят нукеры, закричал:

— Ворота закрыть. На стены поставить воинов. За нами гонятся, ойраты, страшные враги! — Совсем тихо добавил подошедшему батыру: — Моего отца убили. И всех остальных тоже.

Десятник резко мотнул головой: «Нет, нет, не может быть!» но смолчал и грустно взглянул на мальчишек. Сироты. Выживет ли мать?

— Лучезарный Шахи-Бехт, как долго вы ехали?

— Почти три дня. Я боялся, что матушка не доедет. — Он следил глазами за удалявшейся лошадью матери и Саклаб. Теперь всё будет хорошо. Ей помогут, а у него появится ещё один братишка. Или сестрёнка.

Он решил остаться у ворот. К дедушке уже послали гонца. Как только Шахи-Бехт расскажет всё, что произошло в степи, то он сможет поплакать. Но только когда спрячется в самый дальний угол, который найдёт во дворце своего деда. Хорошо, что братишка не хныкал в дороге. Да, ему было страшно, но Махмуд показал себя смелым и сильным. Наверное, весь зад себе отбил об спину его Лачина.

Мальчик ласково потрепал своего коня по брюху, он шеи не доставал. Повернувшись к Урусу, приказал:

— Знаешь, где дворец хана? Поезжай туда, возьми с собой султана Махмуда. Пусть его покормят и уложат спать. Он очень устал. Я тоже скоро приеду. Как только увижу хана. Ты сам поешь, но от Махмуда не отходи. И комнаты чтобы у нас были рядом. — Окинув взглядом Уруса, медленно, растягивая слова, чтобы их смысл вошёл в его мозг. — Я тобой доволен. И

дедушке скажу. Саклаб тоже молодец. Батыр, проводи моего брата и нашего слугу до дворца и прикажи, чтобы его слушались. Он всю дорогу вёл себя как истинный мусульманин и узбекский батыр. Я обязательно прикажу наградить его.

Что ещё не сделал мальчик? Он сосредоточенно сморщил лоб, стараясь не думать о людях, оставшихся в стойбище. На всё воля Всевышнего. Кому-то наверняка удалось спастись. Или отец что-то придумал, чтобы даже после смерти отомстить врагам. Шахи-Бехт ждал деда и надеялся, что ничего в дороге не забыл и всё сможет правильно рассказать. Глаза его, и так узкие, были полузакрыты от усталости и горя от потери отца. Он чувствовал незнакомую слабость в ногах и странную дрожь в груди. Никогда с ним такого не было. Правда, никогда на их селение никто не нападал. Баранта не в счёт, она была осенью, всегда можно было отбиться.

Наконец Шахи-Бехт увидел деда. Сорокашестилетний Абулхайр немного поседел, редкая борода стала ещё реже. Сухощавый в отличие от своих упитанных спутников. Он спрыгнул с коня и на одном вздохе выкрикнул:

— Где Шах-Будаг-султан? Где мой первенец, где моя надежда? — Шахи-Бехт был ему по пояс. Он поднял глаза на деда и тихо сказал:

— Вассалом алейкум, великий хан! Боюсь, что мой отец и все мои друзья-нукеры в садах Всевышнего. Мы три дня скакали от своего кочевья в сторону Сыгнака, путая следы. На нас напали ойраты. Я устал. Можно мне немного поесть? Матушка рожает, а братишку увёз мой раб. Я хочу наградить его. — Здесь мальчик медленно завалился на спину и потерял сознание.

Никто не успел подхватить щуплого ребёнка. Но Абулхайр, услышав про три дня и погоню за первыми внуками, внутренне вздрогнул. Если его сын не успел прислать гонца и не прибыл вслед за сыном сам, то его уже нет в подлунном мире. Горевать он станет после, когда всё узнает. Глядя на внука, лежащего без движений на конской попоне, он подивился — такие испытания выпали на долю его внука... Тот не сломался в дороге, всех довёз и даже рабы не воспользовались тем, что везли детей и беременную, беспомощную женщину. Да, их надо наградить. Но сначала узнать, что случилось.

Шахи-Бехт никогда не терял сознания. Даже когда в учебном бою получал удар по голове или по спине. Открыв глаза, он первым делом ощупал свои штаны — он часто видел, что дети, потерявшие сознание мочились и от них противно воняло. Хорошо, всё сухо. Дедушка рядом. Его склонённое лицо выражает скорбь и недоумение.

— Встать можешь? И на коня сесть?

— Конечно, могу. Я устал, но я всё расскажу, а потом посплю, если вы позволите. Сейчас рассказывать или потом? — внук сообразил, что всем приближённым хана не обязательно знать тайны ханской семьи.

— Махмуд-султан уже во дворце. Вот и мы туда поедem, поешь, а за едой расскажешь, что случилось. — Хан поднял голову. — Два десятка нукеров по следам Шахи-Бехт-султана на фарсаг от Сыгнака. Десять из них пятью парами до стоянки. Посмотрите, если всё спокойно, вернётесь обратно. Если есть опасность, в бой не ввязывайтесь, возвращайтесь в город. Сейчас каждая сабля на счету.

За дастарханом мальчик, забыв о том, что собирался плакать в тёмном углу, глотая слёзы и размазывая их по смуглым щекам, рассказал деду во всех подробностях о трагическом событии. Тот слушал, не перебивая. В обеденном покое кроме них был только двоюродный брат дедушки Бахтияр-султан, отец Алейке-султана. Тот тоже внимательно слушал и так же внимательно смотрел на мальчика-султана. От сына Бахтияр знал, что мальчишка любит приврать и приукрасить любое, пусть и незначительное событие. А тут такое. Но видя слёзы ребёнка и зная, что заставить плакать восьмилетнего непоседу невозможно, понимал — пришла большая беда. Такая большая, что не только Шах-Будаг-султан стал потерей для ханского рода, но ещё много жертв будет у киятов. И не только у них. Вздрогнет вся Великая степь!

Глава четвёртая

Наутро Уч-Тымур проснулся от странного урчания и резкой боли в животе. Он едва успел вскочить на ноги и разорвать завязки штанов, как из него тугой струёй вылетела вся вчерашняя еда. Она вырывалась с жуткими, отвратительными звуками и сопровождалась непереносимой вонью. Опомившись после первых самых неприятных мгновений, тайши увидел, — рядом с ним сидят его соратники. Чинсаны, батыры, старейшины, все, кто был удостоен чести присутствовать на поминальном ужине и пить сладкое вино. Если вчера над стойбищем стоял запах горелого мяса, то теперь воняло дерьмом. Ладно бы сидел один мужчина, или даже десяток, но не сотня! Мужчины не стеснялись, лучше напоказ снять штаны, чем вонять ими в кругу собратьев.

Поняв, что он очистил желудок, тайши привстал, но опять сел на корточки. Рядом с ним сидел Цецен и громко ругался, выплёвывая гнусные слова сквозь зубы:

— Я с рассвета здесь сижу. Никогда не думал, что во мне столько дерьма. Я весь состою из дерьма. Я успел выпить пиалу чая, так и она не задержалась, тут же вылетела наружу. — Он сидел, раскорячившись, под ним растекалась зловонная лужа. Старик сделал несколько движений, отодвигаясь от испражнений и продолжил. — Это не ты нас отравил, славный тайши? Вдобавок к разгрому ещё и это?

Уч-Тымур ничего не понимал. Никогда с ним такого не происходило. И он никогда не слышал, чтобы всё мужчины стойбища страдали мерзкой болезнью. Конечно, бывали поветрия, но чаще всего среди детей или стариков. Молодые, сильные мужчины умирают от ран, реже от болезней, но от такого?...

В голове его медленно складывалась картина изощрённого издевательства слабоумного труса Шах-Будага. Он нарочно отравил вино. Он мог их всех убить, но не захотел. Часто друзья, враги и родственники травили на пирах своих соперников, травили так, что пирующие умирали, держа чашу с кумысом в руке. Никто и пикнуть не смел в таком случае. А здесь изощрённое издевательство. Кто будет бояться воина, извергающего потоки дерьма? Даже дети, стоящие живописными кучками поодаль нет-нет, да и прыскают в кулак. Дал бы им тумака посильнее, но встать во весь рост не позволяла гнусная хвороба.

— Цецен, я бы скорее всех кастрировал, или отрубил голову, но чтобы такое придумать? Не, это не я. Это тот мерзкий кият. Поймаю его, буду срезать по кусочку кожи каждый день и сажать на него мясных мух. — Он опять напрягся. До чего же противно ощущать себя беспомощным. Если на них нападут пятьдесят воинов, пусть подростков, они их всех перестреляют за то время, которое он будет натягивать штаны.

— Ты сначала его поймай! — возразил старик, привстав на ноги, и опять усаживаясь в прежнюю позу.

Пытка продолжалась до полудня. Не успевал один батыр встать, как его место занимал другой, или он сам опять присаживался. И стоная, опорожнял совершенно пустой желудок смердящей водой. На грозных воинов было страшно смотреть. Они были озлоблены, но ничего не могли поделать. Если раненый воин может держать саблю в руке, может натянуть тетиву лука, то испражняющийся воин, не может ничего. Любое усилие приводило к новому потоку нечистот.

После полудня тайши заполз в юрту и обессиленный болезнью, прилёг на курпачи. Мыслей в голове не было. Не было желания шевельнуть ногой или рукой. Да что там желания — не было ни одной мысли о том, что делать дальше. В голове было лишь одно — только бы не потянуло его опять за юрту. Старшая жена, ни слова не говоря, подала ему пиалу с тёмным отваром. Она всё утро с хорошо скрытым удовольствием наблюдала за мужчинами-воинами,

приблизёнными её мужа. Как же их корчило и корбило! Услышали боги её молитвы, наказали за пренебрежение. Не она одна рыдала от бессильной злобы по ночам, когда эти батыры утешались с пленницами. Зато и наказание было неслыханным. Если бы муж был ранен, она бы так не радовалась, когда через шёлку в двери подсматривала за всеми этими палванами, сидящими враскоряку.

— Выпей, хозяин! Этот отвар приготовила Дурмен, с ней ты спал последнюю неделю. Я у неё выпросила, чем вас могли отравить, а она сказала, чем вас можно вылечить. Но я не знаю, можно ли ей верить? Это ты с ней спал, тебе решать, доверять ей или нет. — Голос у старшей жены был сочувствующий, с незначительным налётом недовольства. Да и кто будет радоваться, когда муж с начала набега к ней ни разу не прикоснулся. А она совсем молодая, её едва минуло двадцать пять лет.

— Позови Дурмен, я сам её спрошу.

Долго ждать не пришлось. Девушка, что чесала ему пятки и была так услужлива, несмотря на гибель всей семьи, появилась через мгновение.

— Повелитель, я немного знаю о тех травах, что растут в Великой степи. Табибов у нас нет, раны и болезни лечат знахарки-ведуньи. Моя мама была знахаркой, но она жила в другом ауле, может быть и жива осталась. Она меня учила, пока я была маленькой. Я помню травы, чтобы кровь останавливать, могу нарывы вскрывать, знаю травы, что жар снимают. Вас отравили тунгусским ревенем. Его полно возле запруды. В наших родах его заготавливают летом. Детишки часто маются и не могут опорожнить желудок, особенно когда объедаются на джай-ляу мясом. Это мне понятно. От этого есть другая трава — зверобой. Так она называется. Я когда утром увидела, что с вами приключилось, пошла в степь и нарвала этой травы. Вы все быстро на ноги встанете.

— Если я завтра поднимусь, то отпущу к семье, даже награду дам.

— Не принято девушке говорить такое, но если вы оставите меня при себе наложницей, я буду рыдать от счастья. — Дурмен, которая осталась жива благодаря прихоти тайши, совсем не улыбалось притащиться к матери с пузом от ойрата. А так она родит сына и неизвестно, кто станет тайши после его смерти.

Можно и соврать, сказать, что ребёнок от её мужа. Но уж слишком разными были эти мужчины — её муж и этот кривоногий и плоскомордый урод. Но лучше жить с уродом и кататься как баурсак в масле, чем погибнуть от злобы соплеменников. Поэтому Дурмен, или Камария, так звали девушку, решила помочь своему пленителю. Не всем девушкам их аула повезло, как ей. Видела она беглянок, вернее то, что от них осталось. Зрелище было за гранью человеческого понимания.

Карамию выдали замуж в прошлый сезон свадеб. Её сауке* был высотой с локоть, украшен не только жемчугом и кораллом, но и другими блестящими камушками и бусами. На нём было нашито столько золотых и серебряных бляшек, что голова клонилась к земле от этой тяжести. Почти год она носила это украшение, выполняя работу молодой невестки. Вскоре она должна была поехать в гости к родителям, но отправляться к ним было стыдно. К этому времени все молодки уже имели младенцев или были беременны, и лишь она одна оставалась праздною. Қайын ене* жрала её поедом, каждое утро смотрела в сторону неплодной невестки и недовольно ворчала:

— Десять верблюдов-наров, сто джылкы*, пятьсот овец, и всё впустую. Я в первую ночь понесла, а эта бездельница только жрёт в три горла. А толку нет. — Қайын ене была неграмотной, но считала, словно мулла или проходящий с большим караваном торговец.

Карамия привыкла к её ворчанию, но понять, почему она не беременеет, не могла. Перед замужеством её мать много говорила, как надо себя вести в семье мужа, чтобы её с позором не вернули обратно. Девушка к заходу солнца выбивалась из сил, полумёртвая от усталости

доползала до лежанки в конце юрты и еле сквозь сон отвечала на ласки мужа. Тот целыми днями гонял коня по степи, объезжая отары, принадлежащие отцу. С виду её муж был сильный и здоровый, но как мужчина не стоил и одного вздоха. Мужские силы его пропадали после первого раза. Он пыжился, распускал павлиний хвост, но как-то признался жене, что маленьким болел странной, непонятной болезнью и теперь ему больше нравится его двоюродный брат, а ещё джигит из соседнего аула. А жена так, для соблюдения приличий.

Посоветоваться девушке было не с кем, пожаловаться тем более. Про таких мужчин она слышала от матери. Та скорбно поджимала губы и даже сплёвывала сквозь зубы, что было у неё верхом расстройства и явного презрения. Пожилая женщина говорила о наказании богов и Всевышнего. Никто и подумать не мог, что Карамия постигнет такое счастье. Когда на аул ее мужа напали ойраты, того в селении уже не было, уехал к отарам. Несчастливая Карамия видела гибель мужчин, стариков и старух. Старалась не смотреть на утехи победителей с сёстрами и невестками мужа. Она сама приглянулась тайши. Впервые она почувствовала себя женщиной. Не желанной и любимой, а просто женщиной.

Тайши отделил её от остальных и не позволял никому её трогать. Это было хорошо. Карамия поняла, что от этого кривоногого Уч-Тымура она сможет родить ребёнка. Никто больше не станет орать, что она сухая ветка саксаула. Судя по всему, она понравилась тайши. Работать её не заставляли, и всё, что она делала — вышивала цветными нитками простые ойратские узоры на тонкой коже. Это была не работа, развлечение. Поэтому когда утром она увидела вонючее воинство, изрыгающее рвоту и кал она поняла — надо сделать так, чтобы вылечить их и стать необходимой их вождю. О том, что это враги, она даже не думала. Врагом была ей свекровь и младшие сёстры мужа — вредные, замечающие все её огрехи. Жаль конечно их, но что поделаешь, не нужно было убежать.

Карамия нашла мелкие кустики засохшего прошлогоднего зверобоя, сделала отвар и теперь с вежливой улыбкой передала отвар старшей жене Уч-Тымур-тайши. Тот выпил, крикнул и приказал Агус:

— Если я не сдохну до захода солнца, то сделать отвара на всех. Дурмен не трогать, пусть отправляется в степь и ищет нужную траву. Отравленных больше ста человек. Пошли с ней вчерашнего парня и Шургчи. Ох, Илу тоже пил вино. Хорошо, что сыну не налил. — Тайши просто-напросто было жаль тратить вкусный напиток на этого недомерка.

Он повернулся на бок. Зад горел огнём. Воспоминание о том, чтобы ещё раз опорожнить кишечник приводило в ужас. Он не боялся боли, но то, что испытывал сейчас, было самым отвратительным ощущением в жизни.

Илу так же, как и все остальные, сидел за юртой и вонял на всю округу. Но его вонь смешивалась с остальными не самыми приятными запахами, витающими над стойбищем. Как же его угораздило попасть на поминальный пир? Сквозь туман боли и недовольства собой, он вспомнил, как уже в сумерках вернулись в разорённый аул. Как Шургчи рассказал отцу об их поисках. Как тайши благосклонно кивнул головой, приглашая к своему костру. Илу был безмерно счастлив. Его отметил сын и наследник Эсэн-тайши, великого правителя ойратов. Его братья впервые в жизни завидовали Илу. Впервые в жизни, после выпитых чаш, ему никого не хотелось ударить. Ему даже не хотелось ни к кому придраться и помахать кулаками.

После пира удалось заманить за юрту одну из пленниц. Она казалась парню менее помятой, чем остальные. Весёлое продолжение пира было таким же радостным и приятным, как сам пир. Он отпустил пленницу лишь когда зарозовел край неба, откуда появлялось солнце. Илу не помнил, спал он или нет. Ему показалось, что он задремал и тут же открыл глаза навстречу ужасу. Творилось что-то непонятное. Братья, что вчера завидовали ему чёрной завистью, теперь опять насмехались над ним. Но не громко: сам тайши сидел в сорока шагах от их изнывающего неудачника.

Рядом с Илу стоял Шургчи. Он не пошёл искать траву вместе с новой наложницей отца. Её мальчик ненавидел больше всех остальных женщин, с которыми развлекался тайши. Улыбается, а сама очень себе на уме. Понадобится ей — она и отца отравит. В степь он отправил своих друзей, чтобы сильно не тосковали об убитых родных и забылись в поисках нужной травы. Шургчи держал в руках клочки мягкой шерсти с брюха молодой овцы. Подтираться им было удобно, но дорого. Сам парень никогда не стал бы тратить на свою задницу тонкую шерсть. Обычно он подтирался травой, а среди жителей Великой степи, начал делать это кусочками мягкой глины. Но не это было главным. Стонущее воинство во главе с тайши не скоро встанет на ноги и двинется к новым победам.

К вечеру к его жалкой палатке пришла давешняя девчонка с бурдюком в руках. Она наполнила кувшин для воды на одну треть и пролепетала:

— Новая наложница тайши Дурмен-Карамия велела, чтобы все это пили по четыре глотка три раза в день. Ты считать можешь? Больше нельзя, а то никогда на корточках больше не сядешь. — Здесь она улыбнулась и уже смелее сказала. — Я могла бы к тебе сегодня прийти. Ты же теперь приближённый тайши?

Сама девушка не очень-то хотела оставаться с этим парнем. Неискусным, грубым, болтающим без умолку и возносящим себя до небес. Но один мужчина намного лучше, чем каждую ночь разные. Если Карамия, бесплодная бездельница так вознеслась, почему бы и ей не постараться устроить свою жизнь удобнее. Этот будет больше болтать, главное, чтобы вовремя поддакивать и кивать головой, словно слушаешь...

Ночь в стойбище незадачливых победителей прошла почти спокойно, Редко кто выполнял по нужде. Но к утру стало ясно — ещё долго эти воины никуда не двинутся. Оседлать лошадь они ещё могли, а вот сесть на неё было с зудящим задом довольно сложно.

Шахи-Бехт оплакивал свою мать и мертворождённую сестрёнку. Оплакивал без слёз. Все слёзы он выплакал, когда рассказывал дедушке и потере отца и своих друзей. Тогда его слёзы видел только грозный Абулхайрхан и его брат Бахтияр-султан. Они не осудили. Теперь же все старухи, да и родная эже* недовольно качали головами: мать умерла родами, сестрёнка родилась живая, но пискнув два раза, тоже ушла за кромку. А этот восьмилетний султан сидит, словно и не его это горе. Второй-то сынок так убивается — мать есть мать.

Мальчику было не страшно, он был среди родни. Постепенно начали прибывать спасшиеся соплеменники из разорённого поселения. Выючные лошади были нагружены дорогим скарбом и крепкой одеждой. Джайляу всегда было местом не только сбора родов и откорма живности, но и тем местом, где проводились свадьбы. Лучшие акыны исполняли свои новые песни, проводились их состязания — айтысы*. Те садились напротив друг друга и действо начиналось. Всем было интересно, кто победит в этом состязании — молодой или старый, известный всей Великой степи акын или талантливый новичок? Джайляу — это бесконечные байги среди молодых джигитов. Это кыз куумай*, где прилюдно и без осуждения со стороны стариков, можно погнаться за понравившейся девушкой и поцеловать её. Но уж если та в ответ догонит, то отхлещет камчой.

Для маленького султана это была свобода носиться по степи со своими друзьями-нукерами. Теперь их нет. Хорошо, что Алейке-султан, его друг, почти брат, не поехал с кочевьем, а остался со своим отцом в Сыгнаке. Второй его друг Канбар-бий со своим отцом кочевал далеко на западе, почти рядом с ногайцами. Там были основные уголья семьи Карачин-бека.

Шахи-Бехту были не интересны игры кыз куумай, лишь иногда он начинал смеяться, глядя на невезучего парня, которого догнала девушка и отхлестала по плечам. Он не понимал, для чего парень рискует своим конём и плечами, чтобы поцеловать какую-то замарашку, прислуживающую в их юрте за дастарханом.

У мальчика в голове постепенно складывались планы мести разорителям родного аула. Он посмотрел в ту сторону, где его ата с друзьями, соратниками и слугами что-то громко обсуждали. Поминки по снохе не затронули заскорузлого сердца воина, ему важно было узнать, как ушёл из жизни его сын и есть ли надежда на его чудесное спасение. Но все девушки и подростки 10–12 лет, кому удалось спасти свои жизнь и богатства Шахи-Бехта, в один голос утверждали, что их славный султан Шах-Будаг, остался в осаждённом ауле под градом стрел и мерзкой ругани ойратов.

Маленький султан не приближался к мужчинам. Он думал, как же ему подобраться к воинам и затесаться среди них? Они готовятся к героической вылазке? Ата не разрешит ему примкнуть к героям. Прямо не сказал, но даже его братишке Махмуду было понятно: Абулхайрхан боится потерять старшего внука. Шахи-Бехт скосил глаза на своего дядюшку, Кучкунджи, семилетнего шалопаю. Тот безумно гордился, что его матушка дочь правителя Самарканда, Улугбека. А чем гордиться? Улугбека давно нет в подлунном мире, а его мать хоть и живая, но четвёртая, младшая жена его деда.

Шахи-Бехт как только начал говорить и понимать разумную речь, хорошо понял, что родство и его хитросплетения в жизни любого человека, особенно родовитого чингизида, имеет большое значение. Чем больше у тебя сильных родственников, тем лучше. Всегда прибегут, прискачут, приедут на помощь со своими воинами-нукерами. А если у тебя мало родных и род твой захудалый, то сильные, славные племена затопчут и имени твоего не останется. Не останется даже места твоего упокоения. Мальчик моргнул — лишь бы предательская слеза не показалась в уголках раскосых глаз! Кроме младенцев могут плакать лишь девчонки. Даже женщины стараются лишний раз не портить расположение духа своего мужчины.

На кошме возились его пятилетний братишка маленький Суюнчи*. Тоже дядя. Какое у него противное имя — Суюнчи. Это кто «радостная весть»? И кому? Так и будет всю жизнь ходить и всем говорить: «Вассалом алейкум, я радостная весть»! Глупость какая! Но дедушке этого не скажешь, это же он так назвал своего последнего сына. Но у него ещё будут дети. Мальчик видел свою эже, живот у неё был такой же большой, как у его умершей матери. Он не понимал, как ему называть четвёртую жену своего деда. По возрасту она была не старше его матери, а по положению куда выше. Поэтому назло называл её бабушкой. Он видел, что Рабия-бекич сердится, но сказать ничего не может.

Потому что Шахи-Бехт её не обижает такими словами, а оказывает безмерное уважение. Но все взрослые сыновья от старших жён деда тоже взяли привычку к месту и не к месту называть молоденькую соперницу их матерей, бабушкой. Стоит взрослый, усатый и бородатый джигит и называет молоденькую девушку бабулей. Та хоть выросла во дворце своего отца в Самарканде, но степных привычек новых родственников не знала. Не все были довольны, что их хан породнился с извечными врагами кочевников — осёдлыми тимуридами. И не просто породнился, а помогает им по первому зову. Сейчас многие из них прикидывают, стоит ли ввязываться и начать мстить кочевым ойратам или улизнуть под шумок пока все разберлись по своим летним джайляу?

Вчера вечером, после всех обрядов, Шахи-Бехт слышал разговоры за юртой двух неразлучных бэле*, Джанибек-султана и Гирей-султана, когда они опорожняли свои мочевые пузыри. Почему-то Гирей-султана все пытаются назвать Кирей-султаном, но мальчик знал, что это неправильно. Их разговор не понравился ему, но долго сидеть в сторонке от вонючих мужиков он не хотел и всего не слышал. Но главное понял.

— Брат! — даже голоса у этих неразлучников одинаковые. Одинаково противные. — Брат, вот удобный случай бросить этого гордеца и оставить ни с чем. Он потерял своего первенца. Я хоть и не любил Шах-Будаг-султана, но он был несравненно лучше, чем его отец.

— Кирей, надо немного подождать. Если ветер удачи отвернётся от Абулхайра, то мы с тобой воспользуемся его поражением и захватим земли его родов. А пока постараемся спрятать наши аулы подальше от этих дикарей. Я уже вчера послал гонцов к твоим и к моим родичам.

Рядом раздался кашель, пьяное мычание и журчание. Шахи-Бехт в темноте ловко увернулся от вонючей струи и отполз подальше. Надо дедушке рассказать. Но его дедушка хитрый, наверняка сам уже всё знает.

На другой день поутру, пока Шахи-Бехт размышлял о способах затеряться среди нукеров, два брата, потомки Урус-хана, в группе воинов старались ничем не выделяться. Они стояли вполоборота, чтобы их не зацепил пронзительный взор недруга. Мальчик не спускал глаз с грозного сборища. Все кричали. Не потому, что не слушали Абулхайрхана, а потому что он разрешил приближенным поорать. Частенько ата говорил:

— Если туго заткнуть бурдюк с трижды перебродившим кумысом то можно потерять и бурдюк, и кумыс. Время от времени надо приоткрывать пробку, чтобы все лишние газы вышли наружу. Тогда будешь всегда пить крепкий кумыс. Так и с людьми. Если не давать им покричать, не разрешать пограбить и найти женщин для утех, то очень скоро они тебя бросят, разорвут бурдюк твоей власти и утекут сквозь дыры...

Не всё понимая, мальчик старался запомнить слова деда. Если он вопреки многим людям столько времени верховодит, а его все слушаются, значит от прав? Конечно, прав. Но всегда есть недовольные. Что с ними делать? У Шахи-Бехта вспотели руки и он почти не слушал, что говорит Кучкунджи, его дядя. А надо было бы слушать внимательнее.

— Мой эке опять был всю ночь в нашей юрте! Я же тебе говорил, что моя ана самая главная во всей Великов степи. И я потом стану великим султаном и ханом. — От гордости за свою мать и от предчувствия власти у мальчишки блестели глаза и он забыл, что надо смахнуть соплю, медленно ползущую из носа по верхней губе.

Шахи-Бехт, несмотря на кочевые привычки, ненавидел некоторые вещи. Он не мог видеть без отвращения соплю на лице взрослого человека, а Кучкунджи было семь лет, значит тот уже взрослый. И ненавидел грязные ногти. У его дяди было и то и другое. В груди у него медленно копилась злость, готовая вылиться не только на слабоголового дядюшку, но и на его маленького брата.

— У тебя в голове кроме овечьей шерсти ничего нет! У моего ата много взрослых сыновей, они мои амаки*! Неужели они позволят сопливому мальчишке занять их трон? Ну и пусть он ночует в вашей юрте. Ханом ты никогда не станешь!

— Я-то стану, а вот ты будешь кости подбирать с моего дастархана. У тебя теперь нет ни отца, ни матери...

Одни из самых жестоких существ на свете — люди. Детёныши людей это не львята или волчата, это ещё более гадкие существа. Они готовы не просто укусить, оцарапать или разорвать кожу, не просто оторвать руку или оттяпать ногу, они готовы глумиться над несчастьями и неудачами. Чужих не жаль, но больше всего достаётся своим — родным по крови и по духу людям. Кучкунджи понимал, что у Шахи-Бехта горе, но завидовал ему. Того все жалели. Отца с матерью никогда нет рядом и то, что они умерли, ничего не значило. Голодным тот никогда не останется и в его юрте всегда будет тепло. А вот то, что его жиёна* все чуть ли не на руках таскают, Кучкунджи возмущало.

Вот если бы его мать умерла так же! От родов. Мальчику не хотелось ещё одного братишку, тогда мать совсем про него забудет, как забыла его ради маленького Суюнчи. Будет ещё один и никто, кроме вонючей служанки в его сторону и не поглядит лишний раз. А вот если умрёт отец, станет совсем хорошо! Все те люди, что толпятся возле хана, немедленно будут жалеть и сочувствовать ему, Кучкунджи. Не понимал малец, что стоит его отцу уйти в сады Всевышнего, как его самого постараются прирезать или аккуратно придушить. Как можно быстрее. Множество претендентов на престол никому не нужны.

Не по злобе, а в силу соперничества и зависти сказал Кучкунджи противные слова. Но не таков был Шахи-Бехт, чтобы прощать обиду. Он знал один способ — за обиду бить первым и как можно больнее. Что он и сделал. Драка завязалась нешуточная. Никто не кинулся разнимать детишек. Если дерутся, значит, что-то не поделили. В драке станет ясно, кто прав, а кто виноват. Прав победитель. И неважно, что по возрасту и стати они разные — шуплый Кучкунджи и крепко сбитый Шахи-Бехт. Из-за пустяка более рослый не станет бить маленького. Значит, Кучкунджи провинился и его ждёт наказание.

Давно из разбитого носа младшего мальчишки текла кровь, он уже заплакал, размазывая неприглядное месиво на лице, но второй не унимался, добивал. Свалил на землю и два раза пнул по согнутой спине. Среди мальчишек степей было неписанное, но всегда соблюдаемое правило — упавшего на землю, даже если он не просит пощады, бить нельзя. Вдруг несчастный что-то повредил или сломал? Потом греха не оберёшься. Кучкунджи громко рыдал, на что Шахи-Бехт ответил, скривив лицо наподобие деда:

— Да, я сирота. У меня нет ни отца, ни матери. Но не тебе об этом говорить. У меня есть ата, он самый смелый и сильный в степи. Я и сам могу за себя постоять. Я поеду с нукерами громить ойратов.

Абулхайрхан был недоволен старшим сыном от любимой младшей жены. Тот был тихоней. Пока был один, с материнских рук не слезал. Появился второй ребёнок и старший потерялся. Стал плаксивым, но в то же время заносчивым. Хан редко замечал его, слишком много взрослых сыновей и многочисленных бэе занимали мысли Властителя степей. Драки среди мальчишек дело пустое. Но что говорит его внук? Неужели Кучкунджи позавидовал несчастью своего жиёна*? Плаксив и глуп, до сих пор по земле катается, ждёт служанок. Малышне на кошме тоже надоели вопли их старшего дяди, они недовольно поглядывали в сторону хнычущего мальчишки.

На сером плотном войлоке стояла разукрашенная разными цветами деревянная лошадка. Никогда в степи не бывало розовых или зелёных лошадей, но для детской игрушки это было в пору. Махмуд гордо восседал на ней, уперев в бок игрушечную камчу. Когда ему исполнится семь лет, тогда он получит настоящего коня и настоящую камчу. А сейчас он упирался короткими ногами в брюхо деревянный игрушечного коня. Двухлетний Суюнчи держался за плетёную узорную уздечку игрушки и плохо выговаривая слова, пытался отобрать свою забаву у внезапно появившихся родичей. Он пока ни о чём не думал, он хотел вернуть своего коня. Копыта игрушечного коня упирались в выгнутые полозья, позволяя игрушке раскачиваться. Суюнчи нравилось это раскачивание. Но сейчас вместо него на его лошади резвился совсем большой мальчик. Это Суюнчи не нравилось.

Малец резко дёрнул в очередной раз за уздечку, лошадка ткнулась раскрашенной мордой в кошму, а незадачливый наездник покатился через её голову. Потирая колени и голову, Махмуд скривил лицо, но видя суровый взгляд своего старшего брата, передумал реветь. Он вспомнил, как три дня, не давая лошадям хорошо отдохнуть, скакали они по степи, спасаясь от неведомой опасности. Брат ни разу не отругал его и сам ни разу не заплакал. Махмуд видел, что рабы боятся и в страхе оглядывают степные просторы, а мама плачет. Сейчас мамы не стало. Он уже взрослый, а начал играть как младенец. Мальчик покраснел и подошёл к валяющемуся в пыли Кучкунджи.

— Если сюда придут ойраты, как ты будешь защищать своего брата? Видишь, он отобрал у меня свою игрушку и он прав. — Мальчик учил своего старшего по положению и возрасту родственника. — А ты разве прав, издеваясь над моим старшим братом, который нас всех спас? Ты глупый или злой? Да ещё плачешь, как обиженная девчонка! Вокруг воины стоят, неужели тебе не стыдно?...

Абулхайрхан услышал слова младшего внука и мысленно удивился. Как у такого мягкосердечного сына, как Шах-Будаг-султан родились и выросли смелые джигиты? Вид валяюще-

гося сына раздражал его. Он кивнул аталыку сына — допускать такого неприглядного поведения нельзя, глядя на его сына многие подумают, что и отец такой же. Сейчас важно повести за собой все войска, какие есть и отомстить за первенца.

Глава пятая

На пологом берегу Сейхуна, возле мавзолея красного кирпича, Кок-Кесене, на подступах к Сыгнаку, разбил свои шатры Абулхайрхан. Другого пути из степи до Сыгнака не было. Он решил дожидаться врагов здесь, а на три стороны света разослал лазутчиков на резвых скакунах. Его первые доглядчики, посланные из Сыгнака больше десяти дней назад, привезли неутешительные известия. Нападающих много, больше тьмы. Но все они сиднем сидят в разорённом ауле и носа за ограду из повозок не высовывают. Непонятно это. Почему не устроили погоню за сбежавшими девушками? Куда делись все воины, старики, старухи и дети? Никого не видно, только курились над стойбищем серые дымные столбы, то ли от догорающих юрт, то ли от неумело разведённых обеденных костров. Не всегда два человека, видевшие одно и то же одинаково передают свои наблюдения. Так и здесь. Наиболее зоркие соглядатаи зачастую по-разному рассказывали об ойратах.

Адилет-батыр, приземистый, широкоплечий и молчаливый нукер, скупно выдавливая из себя слова, словно обрубил безудержный поток словоохотливого спутника, с кем вернулся из далёкой вылазки:

— Болеют многие мужчины. Почему так думаю? Сильно воняет возле стойбища. Возле стойбищ всегда крепко воняет, но здесь особенно. Да откуда я знаю, почему воняет сильнее? Может они все обожрались даровой жирной баранины и животы скрутило. Мы летом на джайляу часто за юрту заглядываем. А у них верхом только мальчишки выползают за ограду, и те редко. Женщины воду таскают, да на берегу травы рвут. Они траву жрать начали? Думаю, что снадобья варят. Болеют.

Никто, кроме Адилет-батыра этого не говорил. Все наперебой твердили, что в стойбище не заметно никаких особых изменений. И вроде никакой вони нет. Батыр морщил свой короткий чувствительный нос. Эта его особенность часто помогала ему избегать опасности, но мешала в жизни ужасно. Он мог по запаху понять, когда доили кобылицу и какое у неё на вкус молоко. Спать со своей женой, когда та кормила грудью очередного ребёнка он не мог, запах женского молока вызывал у него тошноту. Зато запах жареной баранины, если он был голоден, сводил с ума. Презирая все условности, батыр мог подсесть к любому костру, где эта баранина жарилась. Его друзья знали об этом. Знал и Абулхайр, недаром Адилет сидел рядом с ним и нюхал всю его пищу. Так хан спасался от яда. Пока помогало.

Адилет-батыр упрямо склонил голову и, глядя на хана, напряжённо молчал. Поэтому правитель поначалу хотел добраться до стойбища, но два самых крепких султана не согласились. Джанибек и Гирей поначалу прятались за спины других султанов и биев, а когда было уже почти решено скакать через степь, заартачились, заспорили и отказались: «...ломать ноги коней зазря. Пусть враг сам подойдёт поближе и на заморённых конях обязательно потерпит поражение». Без этих двух султанов идти против тьмы воинов, пусть и больных, было рискованно. Теперь до схватки не больше половины дня. Орда ойратов медленно движется в сторону Кок-Кесене.

Султан разглядывал мавзолей и пытался понять, кто же там захоронен? Такие постройки больше похожи на строения Моголистана, где раньше обитали сельджуки. Над четырьмя стенами возвышался купол, похожий на шалаш, его грани, покрытые голубой поливой* сверкали на солнце. На поминках по сыну и снохе один из акынов спел новую песню. Они всегда что-то новое сочиняли, но эта история была захватывающей. После поминок многие просили повторить акына, но тот заартачился и только после приказа Абулхайрхана решил повторить. Но один раз. Хану эта песня не понравилась, поэтому акына наградили не так щедро, как всегда.

В ней говорилось о том, что зякет* нельзя брать с равных по положению султанов и биев.

*Родичи мои, подайте мне совет!..
Я несчастный раб, нет утешенья мне.
Стал пришельцем жалким я в родной стране!
Чтоб родному брату брат платил зякет, —
Так ведь не бывало ни в одной стране!*¹

После старика-акына эти слова в Сыгнаке мог безошибочно повторить любой мальчишка, но чаще всего их нараспев произносили султаны Джанибек и Гирей. Эта песня была такая длинная, что запомнить её с двух раз было невозможно. Но эти змии в людском обличии ухитрились запомнить. Сам Абулхайрхан с детства обладал странной выборочной памятью. Он не всегда запоминал, что видел сам или читал, но намертво помнил то, что слышал. Малейшие изменения в интонации и перестановке слов, сказанные походя, он помнил до конца жизни. В дастане* описывался спор двух братьев, что не поделили власть в степи. Но не в этой Великой степи, а в южных странах. Каким-то чудесным образом акын переносит события дастана в Великую степь и связывает его с ойратами, о которых до прошлого лета никто и не слыхивал. На этом строилось недовольство Абулхайрхана. Именно на этот мавзолей указывал акын в своей песне — якобы жена богатыря Алып-Манаша красавица Барчин похоронена в этом месте.

Зайдя внутрь для святой молитвы, Абулхайрхан и его приближённые увидели единственное надгробье. Старик-смотритель ничего разумного сказать не мог. Лепетал, что место святое и здесь нельзя бряцать оружием. Хан не собирался слушать глупые речи безумного старика, питающегося подаяниями паломников, но про себя решил, что святой, лежащий в мавзолее, должен помочь своим детям. Все воины расположились перед мавзолеем, изредка поглядывая на мазар в надежде на ту же помощь.

Правитель решил разлучить своих недругов-султанов и оправил одного с воинами по правую руку от себя, а второго по левую. Джанибек и Гирей не смогут договориться о предательстве и будут вынуждены защищать свою жизнь и жизнь близких людей.

К вечеру, уже в сумерках на горизонте появилась широкая тёмная полоса — приближались враги. Многие подумали: «Сегодня битвы не будет, никто не сражается в темноте. Там и своих порубить можно». Султан поставил дозорных и в раздумье остановился возле своего шатра. Заходить внутрь пыльной затхлости не хотелось, а на воздухе свирепствовали тучи комаров. Заболоченные берега Сейхуна, заросшие камышом и осокой были рассадником этой заразы. Спасал от них лишь дымный костёр.

Уже в темноте блеснули далёкие костры ойратов. Их число напугало малодушных. Цепочка костров заняла степь от края и до края горизонта. Султан велел своему верному Адилет-батыру в одиночку пробраться поближе к стоянке ойратов и попробовать сосчитать, сколько же там скопилось воинов. Конечно, всех не пересчитать, но возле каждого костра собирается не больше десяти мужчин. Такие котлы в степи, десять-двенадцать воинов накормят, а четырнадцатый-пятнадцатый останутся голодными. Поэтому великий предок Чингизхан делил свои войска на десятки, сотни, тысячи и тьмы. Удобно. Собирали армию по семьям, родам, племенам. За своего родича, брата, отца, сына или бэе, каждый будет сражаться как за самого себя. Сегодня ты спас жиёна, завтра он тебя без помощи не оставит.

Звёзды, занявшие своё место на небе по воле Всевышнего продолжали свой вечный круговорот. Абулхайрхан редко смотрел на небо. Но сейчас, отпустив своих биев отдыхать и ожидая опытного лазутчика, он разглядывал мерцающие точки и напряжённо думал. Для чего Аллаху столько звёзд на небе? Почему одни совсем крохотные, едва мерцают, словно гаснущий

¹ Алпамыш. Узбекский народный эпос. Стр. 3.

светильник, а другие светят ярче Луны? Зачем Луна на небе? Толку от неё мало, не греет и почти не светит! Но если она есть, то это кому то надо...

Рядом завозились стражники, к костру приближался Адилет.

— Ну что, мой батыр? Чем обрадуешь? А может, огорчишь сверх меры? Не бойся, рассказывай всё как есть. — Батыр обстоятельно разместился возле костра, протянув к огню руки. Вроде и не холодно в степи, но руки у воина были холодные.

— Повелитель! Эти дикари такие хитрые... — он замолчал, продолжал греть руки, потирая их друг о друга.

— В чём их хитрость и чем они тебя удивили? — Абулхайрхану не терпелось узнать всё быстрее — утром не поговоришь, утром воевать надо.

— Возле костров никого нет, кроме мальчишек. Те саксаул и кизяк подбрасывают, чтобы жарче горели. Я оставил своего коня возле их табуна. Мне всё равно, на каком коне скакать. Я без седла отправился, чтобы по нему не узнали, если я попадусь. Мальчишки... — повторил батыр и скривился. Такая длинная речь его утомила. Он опять потёр руки и продолжил. — Ойратов не тьма, мужчин-воинов не больше полутора тысяч. Много женщин. Наших женщин, узбекских и кипчакских племён. Пленницы.

— Я доволен. Теперь я спокоен. Мы их разгромим. От них не останется даже воспоминания. Мы развеём их пепел по степи. — Абулхайрхан хотел продолжить славную речь, но перевёл глаза на нукера и осёкся. Глаза батыра и без того узкие были полузакрыты и сквозь едва заметные щёлочки выливалось недоумение и недоверие.

Рядом с ханом сидели его старшие сыновья — Шейх-Хайдар, Ахмад-султан, Мухаммад-султан, Ибрахим-султан. Младшему, Ибрахиму, едва исполнилось пятнадцать лет. Поодаль располагались бии племён — Гирей-султан со старшим сыном Бурундук-султаном, Джанибек-султан с двумя биями. Дальше в темноте было не рассмотреть, кто ещё подсел к ханскому костру. Ближе всех к правителю сидел его брат и самый надёжный друг Бахтияр-султан, если у правителей вообще бывают друзья. Все они настороженно слушали, что за вести принёс лазутчик. Вести были утешительные, но сам пластун был недоволен. Он ворохнулся и тихо проговорил:

— Мальчонку я привёз. Он у меня к коню привязан. Рот я ему заткнул. По дороге не выпрашивал, боялся, орать начнёт. Сейчас притащу. — Адилет одним махом поднялся с корточек и на несколько мгновений исчез.

Буйнта и Хату, друзьям сына Уч-Тымура, достался самый дальний костёр от стоянки. Они были этому рады. Никто не станет приставать со своими советами, как зажигать костёр, как поддерживать его, сколько саксаула и кизяка подбросить, и почему нельзя возле костра громко смеяться и разговаривать. Они должны были разжечь четыре костра и следить, чтобы те горели до рассвета. Чего проще? Сиди, подбрасывай ветки, можно свежий конский навоз кинуть, от него не такой противный запах, как от овечьего. Можно зажарить на костре кусок мяса. Перед сражениями ойраты-воины почти не едят ни мяса, ни другой еды. Они могут выпить крепкий, наваристый бульон. Мальчишки знали — всякий воин опасается стрелы в живот. Не каждый после такого ранения выживает. А вот тому, у кого кишки пустые может и повезти. Проще поголодать сутки, зато в живых останешься.

Друзья уплетали жареное, истекающее соком мясо и радовались, что до них не дошёл ни один воин тайши. Тот нашёл бы к чему придрататься. Когда от мяса остались лишь приятные воспоминания, друзья побросали в костёр обглоданные до блеска кости и улеглись по обе стороны от самого яркого костра. Буйнта думал о своём отце. Ранен тот был тяжело, зато вина отравленного не пил. Выздоровели почти одновременно — отец оправился и уже мог глубоко вдыхать, рана на груди почти затянулась. Ханские воины-сподвижники перестали каждый миг сдёргивать штаны и бежать за юрту.

Хату невесело размышлял, что после траура его отцом станет дядя Жанабиля. Тот был баловнем деда Хату, сварливого Арзгира от самой младшей жены. Хату немного понимал в хитросплетениях семейных распрей и споров, но живя вот уже девять лет под одним пологом среди копошащихся сопливых мальчишек и девчонок понимал — лучше быть старшим сыном у наследника, чем пасынком у дедовского любимчика. У Жанабиля была жена, да среди полонянок он выбрал и забрал в свою юрту двух девушек. Те считались рабынями и одну из них он оставил на берегу Чу. Та была беременная и стала совсем страшной. Пузо торчит, лицо и так было блин-блином, а у пузатой расплылось, словно праздничная лепёшка. Ни носа, ни глаз не видеть.

Хоть и жила девушка в юрте у Жанабиля, никто не удивился, что тот бросил свою наложницу, беременную и беспомощную на произвол судьбы. Никто ему и не пенял на этот неблаговидный поступок, половина мужчин-ойратов оставили своих женщин с Гардя-эске. Впереди будут новые наложницы и новые утехы, зачем такая обуза в степи? Когда отец Хату стал ему выговаривать, младший брат грубо ответил:

— Если ты в каком-то сражении погибнешь, я должен буду взять твою жену в свою юрту. И твоих детей кормить. А их у тебя трое! Думаешь, легко мне будет?

— А если тебя подстрелят, что будет тогда? — возразил ему старший, понимая, что отец в сторону старшего смотрит только тогда, когда тот приносит в юрту долю добычи.

— Я не такой дурак, чтобы в первых рядах скакать. Мне и третий ряд хорош. А ещё лучше в самом конце. Вас, как перепёлок постреляют, а я тут как тут. — Жанабиля весело хохотнул.

На этом неприятный разговор закончился, но оба брата остались при своих мыслях. После набега на Сыгнал, о котором Хату узнал от Шургчи, тайши прикажет устроить общие поминки по всем погибшим. Но после этого должно пройти полгода и мать с Хату и другими детьми перейдёт в юрту дяди. Хату никогда не смотрел на того, как на своего отца. И втихомолку презирал за хвастовство. Хотя хвастались все вокруг. Мальчишки начинали хвастать, как только учились выговаривать первые слова. Если у него в кулаке был зажат один орех, он всегда говорил, что у него два. Когда женщина начинала хвастать своим приданым, она говорила, что у неё десять золотых колец. Столько, сколько пальцев на руках.

Все вокруг знали, что это враньё, но никогда друг друга не уличали. Зачем? А если самому придёт охота похвалиться мужской силой или удалью в бою, а все видели, что он отсиделился за спинами родичей, что тогда? Тогда никто и слушать никого не станет. А так возле костра рокотали грозные басы мужчин, рассказывающих в сотый раз небылицы о подвигах. Хату эти сказки не любил, как не любил их его погибший отец.

Думай — не думай, а кизяка в костёр надо подбросить. Посмотрев сквозь пламя на задремавшего Буйнта, мальчик поднялся и отошёл к крайнему костру, где стояла корзина с кизяком. В это время к уснувшему другу метнулась приземистая фигура. В темноте было не разглядеть, в какую сторону утащил Буйнту шайтан*. Хату испугался, распластался на земле, прильнув к ней всем телом и затих, не поднимая глаз. Он не слышал, как задушено пискнул его друг, не слышал и топота копыт, обвязанных старыми тряпками со стельками из прошлогодней травы. Спустя немалое время Хату поднял голову и добрался до брошенного костра. Буйнта нигде не было.

Немного подумав, мальчик решил дойти до соседних костров. Там сидели ребята постарше, может кто-то из воинов там будет. Он расскажет, что Буйнту утащил в степь шайтан или асуры*. Это смотря какие боги в степи главнее. Хату не думал, что когда-то вновь увидит своего друга, отродье падших богов не для пиров утаскивают детей. Для того, чтобы превратить их в своих прислужников.

Всё это, запинаясь, перескакивая с одного на другое и трясясь от страха перед потусторонними силами, мальчик рассказал о происшествии не один раз. Сначала паре друзей, что сидели у костра в двухстах саженях от них. Потом какому-то нукеру. Затем десятнику. Когда

его довели до костра тайши, он почти успокоился, но его рассказ оброс невероятными подробностями:

— Я увидел сверкающие огромные глаза на высоте макушки самой высокой юрты. Руки у шайтана-асура были толщиной в десять рук взрослого мужчины. Ноги как дубы на берегу реки Чу, а тело покрыто рыбьей чешуёй. Одет он был в набедренную повязку. — Мальчик вспомнил изображение Будды, стоящее в их кочевом святилище и одел воображаемого асура в полупознакомую одежду скульптуры. — Он сказал мне громовым голосом, что забирает Буйнта себе в услужение. А я недостойн быть рядом с ними. Я очень испугался и промолчал в ответ на его слова. Потом я упал на землю, потому что асур плюнул в меня. Ядом. Я чуть не умер.

Дойдя до костра, при свете факелов никаких следов Уч-Тымур-тайши не увидел. Решил, что мальчишка убежал домой. Второй подросток его не смог удержать и придумал глупую историю об иблсах, шайтанах и асурах. Дважды вытянув непослушного костровщика камчой по спине, он лениво пошагал обратно, под ласковый бок новой наложницы Дурмен-Карамии. Старшей жене новая наложница не нравилась, но эта девушка вылечила не только его, но и всё его войско. В другой раз он не скоро согласится что-то съесть и выпить из захваченного добра. Какие-то эти кияты неправильные, воюют не как мужчины, а как подлые отравители.

Тайши словно забыл, сколько раз сам травил своих недругов на пирах. Уч-Тымур считал, что только он может делать подлости.

Хату лишь матери Буйнта рассказал правду. Что ничего не видел, хотя понял, что его друг куда-то пропал, но не по своей воле. Именно это было особенно страшным. Никто не подумал, что они находятся на земле врага и мальчишка так же, как и другие знает, сколько народу в орде, сколько осталось в захваченном, селении больных и раненых, сколько воинов отравились по следам отары на север. Он знает и главную тайну — многие мужчины не совсем оправились после отравления. Тайши не поверил ни одному слову мальчишке, которого часто видел со своим сыном. Какой сын глупый, такие у него и друзья, думал он, засыпая и прислушиваясь к урчанию пустого желудка.

Буйнта, оглушённый и испуганный до дрожи в коленях стоял возле жаркого костра в окружении роскошно одетых людей. Таких красивых халатов, блестящих, из яркой ткани мальчик никогда не видел. Только у их тайши и приближённых было что-то подобное, но не такое великолепное. В глазах маленького пленника мелькали звёздочки и радужные полосы. Даже тычки в спину и удары по голове никак его не пугали. Ему было почти не страшно. Отец жив, сестрёнка жива, неужели его все эти замечательно одетые и совсем не злые люди могут убить? За что? Он никому ничего плохого не сделал!

Мальчик помнил, хотя не хотел думать о том, что таких же, как он, но полуживых мальчишек и девчонок, захваченных в селении, совсем недавно его сородичи бросали в костёр, содрав с них всю одежду. Его семье за ранение отца тоже досталась часть добычи — крепкий халат, ичиги и платье. Но на мать оно было мало, а на сестрёнку пока велико. Самый главный из сидящих у костра, это Буйнта понял по тому, как все остальные замолкли, спросил на тюркском языке. Этот язык был довольно сильно похож на ойратский диалект.

— Сколько воинов болеет в вашем стойбище? — Голос главного мужчины тоже совсем не страшный. Вот когда тайши начинает орать, у коней ноги подгибаются.

— Воины великого Уч-Тымур-тайши, сына солнцеподобного Эсен-хана никогда не болеют! — попытавшись гордо выпятить грудь, пропищал пленник тонким голоском. Он сам его не узнал.

Сидящие возле костра засмеялись. Громче всех смеялся самый главный худосочный и незлобивый бек в синем халате. Буйнта тоже хихикнул пару раз, но от сильно удара в спину хекнул, закашлялся и затих.

— Если он сейчас не ответит, отрежь ему палец. Большой палец, чтобы на том свете он не смог натянуть лук, не мог воевать и охотиться. Кому они там молятся? Да мне всё равно. Так сколько воинов болеет в вашем стойбище? — голос говорившего ничуть не изменился. Но дышал такой уверенностью и гневом, что мальчишка понял: ещё немного и он останется без пальца. Он не хотел проверять, больно ему будет или нет, а вспомнил, как вопил отец, когда ему выдёргивали из груди застрявшую стрелу.

— Много. Я до стольки считать не могу.

— До скольки можешь? — не унимался худой.

Мальчишка молча взмахнул ладонями, показывая, что считать может до десяти. Потом он подумал и взмахнул ладонями раз, другой, третий. Его лицо просветлело, когда ладони взлетели и упали вдоль тела в десятый раз. У костра зашушукались, заулыбались. Синий халат весело пропел:

— Какой умный мальчик! До ста научился считать! Ну, теперь думай. Медленно и точно думай! Кто болеет? Главные бии или простые воины?

— Простые воины вина не пили! Моего отца за главный костёр не позвали. А он был ранен! — здесь Буйнта прикусил язык. Худой нахмурился. Рядом с ним сидел плотный и краснотлицый бий.

Может, ему от костра жар перепал, а может он всегда был такой красный. Только вот у мальчишки, глядевшего на его налитые кровью щёки, сердце ухнуло к пяткам и почти вывалилось на вытопанные сотнями ног травинки. Этот без предупреждения начнёт строгать пальцы, да ещё смеяться будет. Краснорожий медленно протянул, чтобы пленник понял его речь:

— Теперь скажи, ничтожнейший! Остался ли хоть кто-то в живых из жителей аула, захваченного вашим тайши? Да смотри не ври. — Врать мальчик не мог, а говорить правду было страшно.

— Я не знаю. Клянусь чем хотите, я не знаю. Но по обычаям нашего народа погибших сожгли на костре. Всех сожгли... — он трусливо скрыл, что в костёр бросали ещё живых людей.

Для мусульманина, даже мёртвого, костёр — это ад, харам*. Сжигание на костре врагов изредка допускается. Нарушать телесную оболочку умершего человека нельзя. Даже насекомое нельзя сжигать. Надоедливому комара надо прихлопнуть, а не жечь. На Абулхайрхана было больно смотреть. Он хорошо знал Коран, великую книгу. Теперь хан убедился, что его сын и все его соратники сгорели. Сотворили это зло мерзкие ойраты. Хан начал молиться. К нему присоединились все, сидящие у костра.

Гирей-султан, его старший сын Бурундук-султан, Джанибек и их соратники, несмотря на неприязнь к Абулхайрхану нахмурились и разом понуро опустили головы. При жизни можно враждовать, можно пытаться, травить ядом и причинять душевные страдания. Но мёртвый человек ничего в свою защиту ни сказать, ни сделать не может. А те люди, что находятся рядом с ним, должны облегчить его встречу с Всевышним, а не препятствовать ей.

Добрались до Сыгнака чуть больше пятидесяти человек, считая Шахи-Бехта с братишкой и их умершую мать. Сколько вырвались из осаждённого аула и потерялись в степи, никто не знал. Добра привезли много, но на всю жизнь не хватит. Справедливый правитель всех приютил, определил их обязанности, соответствующие положению при умершем сыне. Девушек надо выдать замуж, без родителей и близких до беды недалеко.

Хан не думал. Уж если он своих сородичей не жалеет, то ойратам он жестоко отомстит за жуткую смерть сына и его большого юрта. Завтра. Завтра всё это случится с помощью Всевышнего.

— Мальчишку прирезать, чтобы не убежал. Он больше не нужен. Утром мы должны наказать убийц моего сына и наших родичей.

Глава шестая

Такого позорного поражения Абулхайрхан никогда в жизни не получал. И от кого? От убийцы сына, от мерзкого кочевника в изодранном халате. От мужика, просидевшего враскоряку за юртой от мерзкого поноса целую неделю? Хан спрятался за крепкими стенами Сыгнака и мало кого допускал в свои покои. Рядом с ним кроме его брата и двух внуков никого не было. Слуги старались не задерживаться в комнате, сделав свои дела, они бесшумно ускользали от грозного взгляда и сурового голоса повелителя.

Начало сражения было похоже на множество других битв, выигранных Абулхайрханом в течение жизни. С диким визгом и жуткими криками две орды кинулись друг другу навстречу, осыпая противника стрелами. Это лишь акыны поют о туче стрел, закрывающих небо. В жизни такого не бывает. Не каждая стрела находит цель, лишь одна из пяти задевает врага и одна из десяти может ранить. Остальные для устрашения. Когда через несколько мгновений спустя сшиблись две людские волны, то одна покатила дальше, а другая схлынула. Вперёд, к несказанному изумлению Абулхайрхана покатила волна ойратов. Первым дрогнул Гирей, вернее его сын Бурундук-султан.

Абулхайрхан видел, как тот развернул своего коня, и вопя во всё горло, помчался, куда глаза глядят. Это было странно. Не в первом сражении махал саблей Бурундук-султан. Устрашить его какими-то оборванцами было невозможно. Но он мчался по полю, вслед за ним кинулся десяток его приближённых-друзей, затем развернулся весь левый край войска во главе с Гиреем. Размахивая саблей и отводя от себя неминуемую гибель, Абулхайр с надеждой кинул взгляд направо, но понял, что Джанибек с точностью до одного шага повторяет движения своего бэе. Остановить орду ойратов теми силами, что у него остались, было невероятным, несбыточным желанием.

Воодушевляя оставшихся криками и резкими движениями, хану удалось кое-как выровнять свои войска и не дать смять себя хитрому противнику. Вдруг конь под ним дико заржал, дёрнул шеей. В неё с противным чмоканьем воткнулась ойратская стрела, конь стал заваливаться набок. Хан успел спрыгнуть, отскочить в сторону и присесть. Увернувшись от налетевших на него двух батыров, он поднырнул под брюхо низкорослого коня, ткнул в него остриём сабли. Затем, что было силы, дёрнул всадника за ногу. Тот не ожидая такого поворота, почти сполз с седла. Хан, видя, что затея удаётся, продолжал дёргать всадника за вонючий сапог.

Вокруг был ад. Ржали раненые и сдыхающие лошади, вопили все — ойраты, кияты, нукеры Абулхайрхана, стонали в агонии умирающие. Кто-то старался спастись уже не от вражеской стрелы, сабли или пики, а от крепких копыт своих коней. Всё это хан видел каким-то вторым зрением. Наконец-то ему удалось захватить вражеского коня. Успев на него вскочить и пригнуть голову, он приготовился размахивать саблей дальше. Его соратники, не видя своего предводителя, намеревались удрать с поля боя. Но хан, срывая голос и ругаясь на чём свет стоит, смог остановить их бегство. К нему удалось пробиться несколькими его нукером, первым впереди встал Адилет-батыр со своим десятком.

Остальные, видя хана и то, что он продолжает сражаться с яростным противником, передумали позорно убежать с поля боя. Или вспомнили Ясу — «Всякого бека, который не может устроить свой десяток, того мы делаем виновным с женой и детьми и выбираем в беки кого-нибудь из его же десятка. Так же поступаем с сотником, тысячником и темником беком»²

Но полностью остановить бегство было уже невозможно. То тут, то там открывался просвет в монолитной стене его воинов. Было видно, ещё мгновение — и эта стена рухнет под

² Великая Яса. Право Золотой Орды XIII—XIV вв.

неудержимым напором противника. Даже могучая фигура Кобланды-батыра, мелькавшая со скоростью молнии в самых непредсказуемых местах не давала возможности переломить ход битвы. Не такого сражения ожидал Абулхайрхан, не такого...

Но сделать ничего не мог. Два его соратника-врага давно глотают степную пыль возле Сыгнака. Правая рука устала поднимать саблю, он быстро перебросил её в левую. Биться хан мог обеими руками, но правой действовал несравненно лучше, чем левой. Отразив ещё один удар, он смог обменяться взглядом с Бахтиёр-султаном. На случай поражения у них всегда был оговорен способ отступления. Были воины-смертники. Это были не самые смелые или преданные батыры, это были люди, которым нечего терять. При хорошем раскладе они могли остаться в живых, и получить вознаграждение, достойное великого батыра. Спастись можно, если кони хорошие или враг не сразу сообразит, что его противник удирает.

Уже не было мыслей о том, чтобы собрать лагерь, погрузить дорогие шатры и утварь на повозки, теперь лишь бы ноги унести. И скакать надо через лагерь. Именно там задержатся их преследователи. А кто не соблазнится богатыми тряпками и поскачет за ними — наткнуться на этих воинов. Полсотни оставшихся нукеров могут спасти всех остальных. Спустя некоторое время поражение станет историей, которую все оставшиеся в живых постараются забыть.

Спасшийся в сече Абулхайр, не помня себя от ярости за проигранное сражение, набросился на Джанибека с Гиреем, упрекая их в трусости и предательстве. Он грозил выгнать их из Сыгнака за стены, но не решался этого сделать. А ну как два султана-предателя попытаются захватить власть в городе и самого его выгонят за стены? Такое тоже могло случиться. Джанибек с Гиреем клялись в своей верности и что-то лепетали о временном помутнении рассудка, сваливая своё сумасшествие на Бурундук-султана. Сам молодой султан ни о чём не горевал — он сделал всё так, как ему велел отец. Теперь он стоял перед ханом и мычал что-то в своё оправдание. Но весь этот лепет был настолько невразумительный и дикий, что Абулхайр махнул рукой Гирею: «Твоё отродье, ты и наказывай».

Шахи-Бехт понимал, что не всегда его дедушка может победить врагов. И это понимание стало первым неприятным открытием в его жизни. Потеря отца и матери были горем от утраты привычного окружения и ласковой женщины. Лишившись отца, благополучие Шахи-Бехта уменьшилось, мальчик хорошо понимал, что отец был богатый. Насколько богатый не так важно, славно, что он мог подарить всё то, что Шахи-Бехт хотел. Но и дедушка может это сделать, а бабушки трясутся над ними сильнее, чем родная мать. Не из любви к нему, а по приказу дедушки. Но если такие поражения будут частыми, дедушка же стареет...

Сидя рядом с дедом, мальчик молчал и внимательно слушал. Он давно понял, что все его сказки и приукрашенные рассказы — глупость, ненужное баловство. Но при случае их можно использовать, чтобы привлечь на свою сторону других людей. Такого взрослого, как Бурундук-султан соблазнить нечем, он мужчина, а вот другие дети Гирей-султана и Джанибек-султана по возрасту с ним вровень. Почти ровесники были Мухаммад и Султан-Али. Мухаммад, как заметил Шахи-Бехт, был словно не от мира сего, всё молился и жался к муллам.

Сыновья Джанибека мальчику нравились своей живостью. Тем, что не хныкали, когда получали удары в учебном бою. Касым, младший сын Джанибека, был ровесник Мухмуда, его братишки. Он был такой смыслёный и бойкий, что все взрослые смеялись, когда Касым начинал что-то говорить. А говорить тот старался взрослыми словами, часто не понимая их значения. Мужчины, бывало, неприлично ругались, а малыш своим звонким детским голоском повторял эти ругательные слова, что вызывало новые взрывы хохота. Где он всего этого набирался, понять было трудно, но Касым постепенно привыкал быть в центре внимания. Он никогда не стеснялся отвечать так, как этого хотели большие дяди.

Мать его была родной сестрой Ак-Кози, матери Шахи-Бехта и были эти мальчишки двоюродными братьями. Она пыталась наказывать своего сына за неприличные слова, но получила строгое внушение от мужа и повелителя. Шахи-Бехт никогда не стремился кому-то подражать,

тем более он понимал, что эти ругательные слова радуют мужчин до поры до времени, Станет Касым постарше и таких тумачков заполучит за свою дерзость, что не обрадуется. Касым больше тянулся к его братишке, это было понятно. Они были даже чем-то похожи. То ли раскосыми глазами, то ли плоскими смуглыми лицами, то ли одинаковым ростом. Некоторые их путали. Близкое родство сказывалось. Но после постигшего их горя Махмуд стал молчаливее, а Касым ещё более болтливым.

Стараясь не спугнуть свою мысль, маленький султан думал о том, что все его нукеры погибли и теперь ему нужны новые. А собрать их можно только в своём окружении, среди родственников и друзей. Слушая дедушку и запоминая его речи, он понимал, что все его друзья — это друзья с детства, с бешика, с колыбели. Поэтому с братишкой никогда не нужно ссориться и унижать его. Вон как Гирей-султан и Джанибек-султан держатся друг за друга. А они не родные и даже не двоюродные братья. Вроде бы у них был один прадед. Это значит, что если бы у дедушки и его брата был общий отец... В этом месте рассуждения мальчика теряли всякий смысл. Ему это было непонятно, а значит и ненужно.

Победа далась Уч-Тымуру нелегко. Последний удар настиг его, когда за роскошными шатрами кто-то из воинов обнаружили труп мальчишки с перерезанным горлом. Шургчи его узнал и заплакал. Этого тайши уже вытерпеть не мог. Он прогнал сына со словами: «Твоё место среди баб», не понимая того, что человеческое участие — это дар богов. Только теперь тайши понял, что мальчишку действительно украли. И не шайтан, а простой лазутчик. Украли, допросили, а потом прирезали. Он бы так же сделал. Не отпускать же свидетеля домой под материну юбку. Да, хитры эти крысы за стенами города. Но ничего, две недели посидят без еды, откроют ворота и попросят пощады. Тогда их можно обобрать до последнего кувшина и платка.

Приятно было об этом думать, но совсем скоро все припасы, что были собраны в степи, закончились. Своих отар у ойратов не было. Те отары, что пастухи Шах-Будаг-султана угнали на север, его воины не смогли отыскать. Табуны тоже укрыла Великая степь. Еды оставалось на три дня. Тайши решил созвать совет. Он хотел наказать Абулхайрхана за его сына, что заставил болеть его приближённых. Но своей мстью народ не накормишь. Не будет еды и новых вещей, ойраты быстро найдут повод выбрать другого старейшину. Рисковать Уч-Тымур не хотел. Сидя в роскошном шатре удравшего во все лопатки ничтожного хана, наслаждаясь последними припасами, он велел созвать малый совет.

— Мы одержали несравненную, великую победу! — глядя на хмурые лица своих соратников тайши понимал, что второй раз съеденным мясом людей не накормишь. — Повторяю, наша победа огромна. Враг боится высунуть нос за ворота...

— И чего в этом хорошего? Нам завтра жрать будет нечего! — сипло возразил кто-то из второго круга.

— Для этого я приказал вам всем явиться в мой шатёр. — Тайши решил, что жёсткий разговор быстрее даст свои плоды, чем вежливое поскуливание. — Вы явились не для того, чтобы упрекать меня в промахах, а чтобы решить, оставаться нам здесь, под стенами Сыгнака и продолжать осаду или отправиться на юг. Там богатые города и неукреплённые аулы. Вы же голодные сидите...

Бии враз зашумели, заворчали, кто-то пошире раскрыл рот и начал набирать воздуха в лёгкие, чтобы громче заявить о себе. Воспользовавшись их замешательством, Уч-Тымур кивнул старейшине Цеценю, чтобы тот не сидел как гриф возледохлого барана. Тот зашевелился, потянулся всем своим сухоньким тельцем и прочистил горло. Шум начал медленно стихать. Самые горластые прикусили языки. Лишь одна неудача была у тайши. В течение трёх лет они были им довольны. Не стоит поджигать степь, стоя против ветра. Можно многое потерять в незнакомых краях. Цецен был доволен вниманием, с которым остальные приготовились его слушать.

— Если мы двинемся в сторону тепла быстрее джейрана или сайгака, то никто не успеет предупредить этих безмозглых о том, что орёл летит в их владения. Не думаю, что все отправились на джайляу, кто-то остался в земляных норах. Сеют они просо, сеют ячмень, сажают морковь, репу и редьку. — Кто-то поморщился, честное слово, как баба перечисляет какие-то корешки! Богатства нужны, золото! Но остальные понимали, что золото в котёл не положишь и в бурдюк не нальёшь.

— Сразу видно, что Цецен-ата опытный бий и знающий старейшина. Скоро нашим женщинам нечего будет варить на очаге, я думаю, что наш тайши смотрит в нужную сторону. А этот трус пусть сидит за стенами своего гнусного городка и глодает кости. — Это был Намба-батыр. У него было три брата – неразлучника, в любом сражении они были рядом. Пробрить стену из четырёх сверкающих на солнце сабель у противника не было никакой возможности.

Поддержка таких людей придавала силы и склоняла стальных к согласию бросить Сыгнак. Это был орех с очень толстой и крепкой скорлупой. Ничего, впереди ещё много того, что сделает сердца приближённых тайши мягче курдючного сала.

Всё лето и мягкую осень орды ойратов громили аулы по берегу Сейхуна, разорили Ташкент, Туркестан, Шахрухию. Они разжирили на дармовой баранине и мягких лепёшках, которых отродясь досыта не ели не только простые воины, но и бии. От сладких фруктов дети дристали всё лето. Лишь к осени их желудки приспособились к такой еде. Выючные лошади и нары тащили за ордой поклажу. Каждый воин разжился несколькими рабами и молоденькими наложницами.

Кости уже не обглаживали до последнего волоконца мяса, а отбрасывались в сторону с сытым рыганьем и неизменными ругательствами. Характер захватчиков не становился лучше. Они все считали, что завоёванные народы должны им выделять дань каждую луну. Захватив аул, победители выгребали всё, вплоть до последнего зёрнышка. Если не съедали сами, скармливали отборное зерно лошадям. Женщины натягивали на себя по три-четыре платья, красовались сорванными с пленниц браслетами и кольцами. Они прокалывали в ушах лишние дырки, чтобы нацепить все серьги, что приносили их мужья и добытчики.

Конечно, не все блаженствовали от изобилия. Многие, потеряв главу семьи, перебивались тем, что выбрасывали более удачливые соплеменники. Хорошо, если отец был ранен, а потом выздоровел, как отец убитого Буйнта. А если как у несчастного Хату? В юрте у его отца-дяди Жанабиля были свои дети, ему кроме новой женщины никто не был нужен. Дети его новой жены ели после всех — что останется. Двоюродные братья Хату были похожи на отца как две капли воды, такие же хитрые и ленивые. Если бы не Шургчи, Хату помер бы с голода. В юрте старшая женщина следила, чтобы новая жена поменьше ела и побольше работала.

Уч-Тымур всё своё внимание перенёс на второго сына, Зренджена. Тому было всего лет пять, ойраты никогда не считали ни свои года, ни возраст своих детей. Его новая наложница Дурмен-Карамия гордо выпячивала на глазах полнеющий живот. Никогда тайши не думал, что ему так ляжет на душу эта худенькая девчушка, захваченная весной в одном из аулов. Хорошо, что никому её не отдал. Теперь у него в голове зрела мысль: после рождения ребёнка сделать её третьей женой. Это смотря по тому, кого она родит. Будет мальчик, станет наложница женой. Появится девочка, пусть так и остаётся наложницей. Низводить Дурмен-Карамию до положения рабыни он не собирался. Сама Карамия, несмотря на то, что её тошнило и нещадно рвало тягучей слюной по утрам, успевала везде. Она поглядывала в сторону старших жён и никогда не перечила им. Жизнь со сварливой свекровью приучила молчать и благодарить за науку. Этот её мужчина был ласковый. Под этими словами молодая женщина понимала простые вещи.

Не бьет, не таскает за волосы, не попрекает куском лепёшки и жирного мяса, значит ласковый. Не кричит при всех и не обзывает пустоцветом или пустым брюхом, значит заботливый.

Дарит время от времени то платок, то колечко, то платье, значит щедрый. И неважно, что это колечко содрано с руки убитой старухи и платье снято с непокорной рабыни. Была бы умная, не перечила победителям, была бы сыта и устроена. Как Дурмен-Карамия. Та давно перестала думать о муже и остальных соплеменниках, теперь её жизнь связана с тайши.

Агус, строгая жена Уч-Тымура смирилась с новой наложницей и с тем, что та понесла от её мужа. Всё равно её сын старший среди детей. Но это не радовало. Как Шургчи не старался, отец всегда косился в его сторону. Быть жестоким и злобным у него не получалось. Поэтому Шургчи чаще всего крутился возле Илу, слушал его рассказы, учился держать саблю и натягивать лук. Тот был рад, что мальчишка тянется к нему, не у каждого воина такой смыслённый ученик. Мальчишка научился держать в руках тесак, изображающий саблю, мог наносить удары. Правда ещё слабые и неточные.

К ним присоединились ещё несколько осиротевших мальчишек. Правда, ойраты, как и все кочевники, сажали своих сыновей на коня года в три-четыре, давали детскую саблю в руки в пять лет, а уж кто как научился, об этом никто не думал. Учить никого не учили, смотри и учись сам. Не научился — в первом же бою тебе снесут голову или оттяпают руку. А безрукий ты никому не нужен. Илу с детства получающий затрешины от старших братьев, вынужден был присматриваться и учиться защищать себя. Шургчи ему помог в своё время, теперь Илу помогал мальчишке, как мог.

Упражнения были не сложные, они были на выносливость и терпение. Илу велел своим ученикам брать в руки топорик, если удавалось найти подходящий, толстую дубинку и махать ею крест-накрест перемежая резкими тычками. Через некоторое время рука немела и оружие падало на землю. Надо было подбирать его и махать другой рукой. Илу мог рубиться одинаково правой и левой рукой. Как-то это «баловство» увидел Уч-Тымур, понаблюдав, хмыкнул в чёрную редкую бороду и одобрительно кивнул. На походе многие мальчишки ехали рядом с Илу. Он никому не разрешал махать «саблями» без толку. Он объяснял это тем, что к руке всё время должна притекать кровь и в нужный момент она могла совершить сильный удар.

Для примера подростки делились на две группы. Одна в дороге размахивала саблями и палками, а другая двигалась с опущенными руками. Потом по команде Илу сшибка и плачевный результат для любителей помахать оружием. К ребятам присматривались взрослые воины. Некоторые посмеивались над Илу, другие давали дельные советы. Третьи молча поправляли тех, кто неправильно что-то делал. К осени вся орда стала более собранной. Мужчины между собой устраивали что-то вроде потешных боёв. Уч-Тымур хвалил победителей и дарил им подарки, вроде как победителю противника. Как-то подарок перепал его сыну Шургчи.

Радость парнишки была беспредельной. За время летних набегов он привык к крови, меньше смотрел в сторону матери и всё время крутился возле молодых воинов. Те понимали, что подрастает смена. Теперь редко кто посмеивался над Илу. Но заменить его в обучении мальчишек никто бы не смог. Те признавали только своего учителя, со всеми своими болячками и обидами бежали к нему. Илу давно перестал пить трижды перебродивший кумыс и без толку размахивать кулаками. Он присматривался к особо знающим воинам, которые не только саблю знали, но и хорошо стреляли из лука. Знания и умения в бою нужны всякие. Они сохраняют жизнь и здоровье.

Лето в Сыгнаке было унылым и хмурым, несмотря на приветливую погоду и возможность переправляться на левый берег Сейхуна. Туда отогнали оставшиеся отары и табуны. Но места были давно заняты другими племенами и родами, пришлось договариваться и платить. Воевать на две стороны Абулхайрхан не мог. Гирей и Джанибек со своими людьми откочевали на юг. В Сыгнаке стало просторней, но меньше осталось людей для защиты города.

Что-то надо было делать с осиротевшими внуками. Хан мог своей властью назначить учителей, но не хотел нарушать обычаи и созвал курултай. На курултае почётным гостем был уйгур Бай-Шейх-кукельдаш, тот в прошлом был воспитателем Шах-Будаг-султана.

Бай-Шейх отличался от всех остальных длиной седой бородой, опускающейся на грудь светлыми серебристыми волнами. Голова его, так же как и борода над верхней и нижней губой были тщательно выбриты. Само лицо было изрыто глубокими морщинами. Кустистые брови нависали над ясными и живыми, почти юношескими глазами. Нос с чуть заметной горбинкой был совсем не похож на носы узбеков, приплюснутые и совсем незаметные. Смуглая коричневая кожа на лице была выдублена ветром пустыни и аскетической жизнью правоверного суфия. Большие уши, прижатые к черепу, улавливали малейшие изменения в интонации говорившего человека. Мочки ушей, толстые и мясистые, утопали в белой бороде.

Сколько помнил себя Абулхайрхан, столько Бай-Шейх ходил в одной и той же тюбетейке, синем шерстяном халате и белой рубахе. Как кукельдаш ухитрялся всё время иметь чистую белую рубаху, хану было непонятно. Штаны такого же синего цвета и простые юфтевые ичиги были неизменно чистые. От Бай-Шейха всегда исходил запах райхона* и каких-то пахучих степных трав. Создавалось ощущение, что он не потел, так как никогда от него не доносился затхлый запах старика. Более знающего и сведущего человека в толковании Корана в окружении хана не было. Возможно Шах-Будаг-султан, наслушавшись человеколюбивых проповедей своего учителя, стал таким мягкотелым?

Ближнее окружение Абулхайрхана относилось к кукельдашу с должным уважением, но особой, горячей любви и привязанности к нему никто не испытывал. Да и кто любит камчу, что каждое мгновение может опуститься на твои плечи? Некоторое время бии шушукались, каждому лестно было стать воспитателем сирот. Не потому, что любили мальчишек, а потому что стремились выслужиться перед их дедом. Награда за такую работу была внушительная.

— Тяжкая утрата постигла меня и моих внуков. Три луны прошло с того времени, как погиб мой сын Шах-Будаг-султан и моя невестка Ак-Кози-бийим. Они оставили после себя двух лучезарных и достойных отпрысков. Их надо оберегать от дурного влияния, проявляя особое усердие, ибо взойдут они на самую вершину власти и будут управлять миром. — Эта короткая речь на открытии курултая показала всем, что Абулхайрхан собирается не только опекать своих внуков достаточно долго, но и жить почти вечно.

Некоторые бии пригорюнились от этих слов, понимая, что любое их поучение наследников и движение будет проверять сам хан, так что не приведи Всемилостивый Аллах нарушить хоть какую-то из его заповедей. Кому-то в тот же миг захотелось оказаться подальше от курултая, пойти на конюшню или отправиться в южные кочевья. Зоркий взгляд хана приметил шевеления и нотки недовольства в тихом бормотании присутствующих. В то же время он заметил, что самым безмятежным был Бей-Шейх, знаток Корана и хадисов. Его смуглое лицо выражало подлинную готовность немедленно взять на себя такую тяжкую ношу. Без ложной скромности он ответил правителю:

— Припадая к ногам вашей справедливости и прозорливости и помня, что я воспитывал безвременно покинувшего нас, их отца, я мог бы... — высокое собрание заколыхалось, очень многие вздохнули с облегчением и приготовились ожидать продолжения. Дождавшись тишины, кукельдаш продолжил. — Я мог бы, несмотря на свои преклонные года, взять на себя драгоценную ношу их воспитания.

Первым опомнился Шейх-Хайдар-хан, ставший наследником Абулхайрхана. Зная неужный и резкий характер своего племянника, он с готовностью поддержал старого учителя.

— Нет в мире никого более достойного этого места, чем Бей-Шейх. Надо проявить полнейшее сострадание к участи сирот и оказать кукельдашу честь, поручим их заботам знающего человека. — Одобрительный шум был ответом на пламенный призыв наследника.

Теперь каждый хотел высказаться и одобрить старого кукельдаша, лишь бы взгляд хана не остановился на нём. И Абулхайрхану не пришло в голову повесить этих проказников на его многострадальную шею.

Виновники курултая в это время на хорошо утоптанном дворе устроили борьбу с двоюродными братьями. Хуш-Хайдар, щуплый мальчишка лет девяти со своим братом Хуш-Надиром, боролись на поясах с Шахи-Бехтом и его братишкой Махмудом. Силы были примерно равны. Рядом с кошмой, на которой возились мальчишки, стояло несколько молодых воинов. Бывший раб Урус не отходил от наследников. Он получил обещанную свободу, но не знал, что с ней делать.

По виду он был чистокровный славянин, с зелёными глазами и русыми волосами. Скроен ладно, руки и ноги у него были длинные, поджарые. Лицо неприметное, но не противное. Получив свободу и место рядом с наследником, Урус научился улыбаться. Теперь никто не смел ругать его, бить или заставить работать сверх сил. Они с Саклаб жили в коморке рядом с комнатой спасённых ими детей. Девушка давно сказала Урусу, что её зовут Гасавой, и начала учить его славянской речи, но Урус только отмахивался.

— Всё равно никогда нам не вернуться на Русь. Да я там никогда и не был. Никто не знает, кем была моя мать и мой отец. Сейчас мой отец Абулхайрхан, а мать его старшая жена. Он мне сам так сказал, когда узнал, что именно мы с тобой спасли его внуков. Хан разрешил нам вместе жить и сделал свободными. Конечно, мы не равня всем остальным, но и не рабы. — Гасава за время рабства привыкла слушаться и молчать. В ответ на слова Уруса она тоже промолчала.

Но всем, кто спрашивал, говорила, что зовут её по-славянски, и учила всех желающих славянским словам. А ещё она могла считать и помнила многие интересные и смешные вещи, что рассказывал ей повелитель, Шах-Будаг-султан. Рассказывал он много. Ему нравилось, что девушка его слушает. Здесь Гасава всплакнула и отерев слёзы, занялась обычными делами — прясть шерсть. Это она умела делать очень хорошо. Нитки выходили из-под ее пальцев тонкие, ровные по всей длине, крепкие. Затем она сматывала нити с веретена в клубки и относила ткачам. Она хотела научиться ткать ткань из шерсти, но ткачеством занимались только мужчины, а как устроен станок, она не понимала. Вот и сейчас она сидела с куделью и веретеном и без устали вытягивала тонкую нить. Глаза здесь были не нужны и она поглядывала в открытое окно. Внизу шла борьба...

Правила борьбы на поясах были строгие и если кто-то пытался их нарушить, то взрослые тут же делали замечание. Меньше замечаний — больше одобрения со стороны взрослых. А те разделились на две кучки, где одна поддерживала Шахи-Бехта с Махмудом, а другая Хуш-Надира с Хуш-Хайдаром. Те и другие старались не нарушать правила и сосредоточенно пыхтели, топчась в пыли. Махмуд начал одолевать Хуш-Надира, а Хуш-Хайдар оказался более ловким, чем Шахи-Бехт. Хотя в такой борьбе главной была даже не победа, а возможность показать свои умения и навыки перед взрослыми воинами.

Из широкой двустворчатой двери вышел Абулхайрхан со своими сардарами и биями. Он посмотрел на копошащихся мальчишек, на воинов, окружавших их, и поднял руку. Все затихли. Мальчишки опомнились. Вскочив на ноги, отвесили вполне приличные поклоны высокому собранию.

— Шахи-Бехт, и ты, Махмуд. Вот ваш учитель и наставник в жизни. Вы его знаете, этот учёнейший улем учил ещё вашего незабвенного отца. Я хотел показать курултай, что вы не бездельничаете, а занимаетесь борьбой. Это похвально. Отдаю вас обоих на попечение Бай-Шейх-кукельдаша. Он научит вас всему тому, что знает сам. — Абулхайрхан был грамотным человеком, сочинял стихи на тюркском и фарси, знал арабский, но учиться не любил.

Сам он никогда не писал никаких документов, для этого были мунши*. Даже когда сочинял стихи, то не записывал их. Но и не запоминал. Но если слышал, как их пересказывают

другие, уже не забывал. В своё время учение далось ему очень тяжело. Его всегда больше привлекали военные игры, точно так же, как его любимого внука Шахи-Бехта.

Глава седьмая

Приближалась осень, а вслед за ней холодная зима. Уч-Тымур вспомнил, что прошедшая зима была довольно мягкой. Так говорили все рабыни, оставшиеся в живых. Хотя они предостерегали, что бывают зимы, когда люди замерзали на ходу. Но такое бывало редко. Перед тем, как отправиться на зимовку, тайши решил ещё раз пощипать своего врага Абулхайрхана. Вся орда Уч-Тымура, разжиревшая на богатстве убитых или ограбленных даштикикипчакцев, утомлённая обжорством, ленью и излишествами утех, лениво подкатывалась к многострадальному Сыгнаку. Тайши рассудил, что ему и его людям не помешают тёплые вещи, меховые шубы, ватные шапаны*, одеяла и многое другое. Подойдя почти вплотную к закрытым наглухо воротам города, он послал туда уважаемых седобородых стариков.

Если их прикончат, не жалко, они и так старые. А если смогут договориться о дани, то честь им и хвала. Кучка стариков, медленно передвигая негнувшиеся ноги, добралась до ворот. Хоть и старыми были люди, но им тоже хотелось жить. Молодые плохо понимают всю прелесть и удовольствия жизни. Они не думают, что если тебя перестали привлекать утехы с пленницами, то больше ничего уже не нужно и осталась одна дорога — на погребальный костёр. Такую несусветную глупость трудно представить. Чем больше человек живёт, чем длиннее нить его жизни, тем больше он знает и тем больше есть вещей, которые он боится потерять.

У стариков есть внуки и правнуки. У молодых есть дети, но они сами ещё дети и не понимают того, как сладок смех внука, как радостен первый его писк в бешике и первый шаг по земле. Как можно гордиться первым удачным набегом своего внука! Отец горд своим сыном не потому, что ценит именно его! Нет, он в сыне видит себя и тешит свою гордость. А дед гордится именно внуком, его подвигами и успехами.

Старики сожалеют об утраченной молодости, они занудливо наставляют молодых, чтобы те смогли избежать их ошибок. Но молодые сами с усами, пусть даже те короткие и редкие. Они стремятся набить те шишки, от каких их упорно предостерегают старики. И делают это с завидным постоянством. Убелённые сединами мужчины сетуют на свою молодость: «Почему не слушались, почему поступали по-своему и попадали в ямы легкомыслия»? Но ответа на эти простые вопросы у них не было. Видимо, таким является круговорот жизни, и если не набить своих шишек на глупую голову, то ничему не научишься? Но это же больно и бесполезно! Попробуй, убеди своего любимого внука, что в чужого надо стрелять не раздумывая, а лишь потом интересоваться, зачем он нарушил пределы твоей земли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.